

Анатолий Дубровный

Дочь Дракона

Глава первая. Наследница

Старый граф Лэри де Гривз, барон Дрэгис, неспешно ехал на охоту в Дрэгисский лес своего баронства. Собственно говоря, графом он был только по титулу: пятый сын владетельного графа Гривза Лэри мог рассчитывать только на этот громкий титул и длинную череду славных предков. Поэтому молодой Лэри избрал военную карьеру и дослужился до генерала. В довесок к званию генерала он получил приграничное баронство Дрэгис. Само баронство называлось по имени леса, занимавшего добрых две трети его территории и примыкавшего к Хасийским горам. Приграничные баронства были головной болью зелийского королевства, особенно те, что прилегали к Хасийским горам. Именитые дворяне не стремились к их приобретению, и они доставались дворянству служилому. Впрочем, и по наследству они переходили редко. Бароны гибли, не успев оставить наследника, или, как в случае с бароном Лэри, их дети гибли раньше. Набеги диких племен с гор, нечисть, в изобилии водившаяся в горах и предгорьях, были причиной повышенной

смертности как среди баронов, так и среди их подданных. Баронство Дрэгис было важно тем, что через его территорию пролегал тракт, идущий через Ларнийский перевал в Хасийских горах. Это был очень удобный путь, удобный до недавнего времени. Года три назад перевал стал непроходимым. После того как бесследно пропали четыре купеческих каравана, выяснить в чем дело отправился отряд, состоящий из лучшей половины дружины барона и возглавляемый его сыном. Отряд погиб полностью, за исключением одного воина. Сильно израненый, он с трудом добрался до заставы, что разместилась в предгорьях, и перед смертью успел рассказать об огромной стае скальных химер, появившихся на перевале. Понятно, что с теми остатками дружины, что осталась у барона, нечего было и думать о том, чтоб очистить перевал. По приказу барона, чтоб воспрепятствовать проникновению химер в долину, завалили ущелье, по которому шла дорога на перевал. Теперь, чтоб преодолеть Хасийские горы, купеческим караванам приходилось делать крюк в пятьсот миль. А баронство Дрэгис лишилось источника дохода в виде пошлины, что взималась с купеческих караванов. Средств же, что давали пять деревенок баронства, хватало лишь на поддержание остатков дружины барона. Но и оставшиеся три десятка воинов были грозной силой. Все они —

ветераны Гринейских войн, где Лэри де Гривз и получил чин генерала, были норвежцами — наёмниками с севера. Воевавшие под началом генерала де Гривза, после войны они решили не возвращаться в свои суровые северные края, а осесть в Зелии, и с радостью приняли предложение новоиспеченного барона Дрэггиса вступить в его дружину.

Барон оглянулся на десяток его сопровождавших. Всем воинам было уже за сорок, а некоторым и за пятьдесят. Молодежь ушла вместе с его сыном и с ним же сгинула в горах. Барон тяжело вздохнул: по сравнению с его шестидестью восьмью эти ветераны выглядели молодыми. Барон еще раз тяжело вздохнул — чувствовались пройденные пятнадцать миль. Гуго, капитан дружины барона, заметил вздохи барона и, послав вперед своего коня, поравнялся со своим командиром:

— Еще миля, и мы подъедем к удобному месту для привала.

— А-то я не знаю, — ворчливо ответил барон.

— Лэри, я же вижу, у тебя...

— Кости болят? Это можно терпеть, я уже привык, а вот эта боль... — барон приложил руку к сердцу, — хоть уже три года прошло, а Тэрик пред глазами, как в тот день, когда отправился в тот злосчастный поход...

Капитан дружины тоже тяжело вздохнул, он искренне любил Тэрика, ведь практически он его вынянчил. Молодая жена барона умерла при родах. И как только юный баронет был отнят от кормилицы, так сразу же за его воспитание взялись все ветераны дружины барона, особенно Гуго. Он к Тэрику относился как к своему сыну. Когда-то капитан пришел в полк тогда еще молодого полковника де Гривза зеленым новичком вместе с остальными норвежцами, и с тех пор они с бароном были неразлучны. Не раз спасали друг другу жизнь, прикрывали спину, казалось, в безнадежных схватках, делились последним куском хлеба, давно были на «ты» и были ближе чем кровные братья.

Гуго с сочувствием глянул на своего старого друга, да сдал Лэри, сильно сдал. Уж очень его подкосила гибель сына. Хотя кто в дружине не сожалел об этой потере? Гуго помнил, как двадцать два года назад барон и его бывшие солдаты, а теперь дружинники, пришли сюда. Одним из условий получения баронства было скорейшее обзаведение наследником. Лэри не стал откладывать это дело в долгий ящик, ведь он уже был далеко не мальчик — все-таки сорок пять лет. Невеста нашлась быстро, шестая или седьмая дочь такого же приграничного барона, совсем без приданого. Этой семнадцатилетней девушке светил только монастырь — кто же возьмет

бесприданницу? И ее отец с радостью согласился на предложение своего нового соседа. Быстро сыграли свадьбу. Да, тогда дружина барона знатно погуляла. А барон перестал обращать внимание на свою молодую жену, как только она понесла, только изредка справлялся о ее здоровье. Гуго знал причину — барон встретил в лесу необычайно красивую девушку и влюбился в нее. Кто она такая — этого никто не знал. Не селянка, не нечисть, просто девушка... Где она жила — тоже никто не знал. Она появлялась в лесу и там же исчезала. Барону, ослепленному страстью, было не до таких мелочей. Его дружинникам тоже: барон жив, здоров, счастлив, пребывает в хорошем настроении — чего же еще?

Кончилось всё резко и печально. Девушка исчезла накануне родов жены барона. Тихая и молчаливая супруга барона угасала по мере приближения срока разрешения от бремени. Она отошла в лучший мир сразу же, как закричал ее ребенок. Барон ее смерти даже не заметил. Он полгода пребывал в отчаянье после исчезновения своей лесной любимой. Потом, словно очнувшись, всю свою любовь отдал сыну. И вот его сын погиб. Гуго видел — барон медленно угасает. И сейчас, в этот поход, затеянный под видом охоты, Гуго вытащил своего друга в надежде хоть как-то его встряхнуть. А этот поход был необходим. Охотники

из предгорьев рассказывали, что открылся заваленный проход на перевал, а это означало, что в долину могут прорваться скальные химеры. Еще рассказывали, что в предгорьях видели дракона. Дракона видели и селяне. Драконы — эти большие, неповоротливые и довольно глупые звери — иногда прилетали из-за гор. Они были очень сильными и хорошо защищенными крепкой чешуей. Для мирных селян драконы представляли нешуточную опасность. Но воины, вооруженные мощными арбалетами, могли застрелить такого зверя. Кроме того, существовали артели охотников, которые охотились на драконов. Были еще рыцари-драконоборцы, те вообще выходили против драконов в одиночку и даже иногда их побеждали.

Вот и взяв с собой лучшую половину дружины, Гуго отправился выяснить обстановку, проход снова завалить, да и на дракона посмотреть. А если он действительно появился, то отогнать или убить.

Достигнув нужной полянки, дружинники расположились на привал. Барон с кряхтением слез с лошади, от помощи своего капитана он отказался:

— Когда я сам не смогу ни сесть на лошадь, ни слезть с нее — то всё, лягу и умру.

— Ну, что ты...

— Я ведь одним махом в седло вскакивал, причем в полном доспехе, а теперь... — барон

горестно вздохнул.

— Ну...

— Да знаю я, знаю. — Покачав головой, барон направился в глубь леса, а Гуго, сделав знак одному из дружинников следовать за ним, догнал барона.

— Здесь должен быть водопад, — вздохнул барон, — здесь мы встречались с моей Веточкой.

Гуго вспомнил, что Веточкой барон звал свою возлюбленную, так таинственно пропавшую тогда. Некоторое время барон приезжал сюда и молча сидел у этого водопада, надеясь, что его Веточка вернется, потом надежда пропала. Почему барон называл ее Веточкой — Гуго не знал. Девушка была огненно-рыжей, очень веселой. Совсем не похожей на тех, кому давали такие имена.

Неспешно пробираясь сквозь заросли, люди услышали смех и громкое пение. У водопада кто-то был. Барон ускорил шаг. Гуго вытащил меч и обогнал барона.

— Лэри, здесь давно никого не было. В озере под водопадом могла поселиться какая-нибудь водная нечисть. Место здесь глухое, — вполголоса заговорил Гуго. — Слышишь, смеются! Несколько голосов! Кто ползет в воду в таком месте? А эти не боятся и смеются — точно водяная нечисть!

Барон не ответил, только засопел, еще ускоряя шаг. У водопада, видимо, слышали приближающихся, и это несмотря на шум

падающей воды. Гуго придержал барона и подал знак сопровождавшему их воину, тот тоже вытащил меч.

— Услышали и затихли, — сказал Гуго, — точно нечисть.

Как бы опровергая его слова, у водопада снова запели. Голос был звонким, но в тоже время хрипловатым, как будто пел простуженный ребенок. Песенка сначала была довольно веселая, про зеленого кузнечика, который сидел в траве, но закончилась печально, хотя вполне закономерно — кузнечика съели. Гуго, все также придерживая барона, осторожно раздвинул кусты. В озере купался ребенок. Периодически мелькавшее тело уже не было совсем детским, в нем проступала худоба подростка, который начал расти. Наблюдавшие за купальщиком поёжились — вода в озере под водопадом была довольно холодная, все-таки предгорье. Поплескавшись еще минут пять, чем вызвал у наблюдавших за ним почти озноб, купальщик выбрался на берег. Это оказалась девочка, худая девочка-подросток, в чьей фигуре еще не было даже намёка на женственность. Она попрыгала сначала на одной ноге, потом на другой, совсем по-мальчишески вытрясая воду из ушей. Именно эти действия и успокоили капитана баронской гвардии, нечисть не буде так делать. Хотя эта девочка купалась одна и совсем не боялась

ни водной, ни лесной нечисти. А ведь именно в таких забытых людьми местах и заводятся всякие твари. Девочка же, вытряхнув воду из ушей, на мгновение замерла, и ее волосы будто высушило тёплым ветром. Она стала похожа на лохматый рыжий одуванчик, ее волосы непокорными вихрами торчали в разные стороны. Капитан придержал собравшегося было выйти на поляну воина, он хотел дать девочке время одеться, чтоб не смущать ее. А девочка и не думала одеваться, тем более что никакой одежды поблизости не наблюдалось. Она уперла руки в бока и сказала, обращаясь к кустам:

— Ну, долго вы еще там сидеть будете? Если пришли купаться, то я уже закончила. Озеро свободно! И хватит подглядывать. Вылазьте!

Поняв, что они раскрыты, мужчины вылезли из кустов и стали внимательно, уже вблизи, рассматривать девочку. Та, нисколько не стесняясь своей наготы, тоже пристально рассматривала барона и его спутников.

— Ну, — первой нарушила молчание девочка, — что вы здесь делаете?

— Мы... хм... — растерялся Гуго. Воин дружины молчал, справедливо рассудив, что начальство лучше знает, что отвечать. Барон тоже молчал, пристально рассматривая девочку. Поэтому инициативу в переговорах, понимая всю неестественность ситуации — какие могут быть

переговоры с ребенком, — взял на себя капитан:

— Лэри де Гривз, барон Дрэгис, объезжает свои владения. Я, Гуго Норек, капитан гвардии барона, его сопровождаю...

— А это, значит, вся гвардия барона, — девочка указала на молча стоящего воина.

— Это воин гвардии барона, — Гуго утвердительно кивнул. — А ты кто такая и что здесь делаешь?

— Купаюсь, — коротко ответила девочка на второй вопрос, проигнорировав первый.

— Не боишься? — строго спросил капитан.

— Кого? — ответила вопросом на вопрос девочка.

— Ты одна, в лесу, у озера. Тут не только лесная, но и водная нечисть может быть...

— Не-а, не боюсь, кого мне тут боятся? — искренне удивилась девочка.

— Тебе не холодно? Ты бы оделась, где твоя одежда? — подал голос барон.

— Не холодно, — пожалала худенькими плечиками девочка, — мне так удобнее, не надо всё время раздеваться-одеваться.

— Зачем всё время раздеваться? — удивился капитан такому ответу.

— Раздеваться, чтоб одежду не порвать, — терпеливо пояснила девочка очевидную для себя вещь. — У меня только одно платье, мне его Марта

дала.

— Так ты ученица Марты? — спросил Гуго. Если девочка была ученицей Марты, то это многое объясняло. Марта была местной знахаркой, или, как здесь считали, колдуньей и даже ведьмой. Жила Марта не то что бы рядом, а милях в трёх отсюда. И если девочка ее ученица (а то, как она магией высушила себе волосы, капитан заметил), то действительно может не опасаться многих видов нечисти. Многих, но не всех. Есть такие, от которых и сама Марта прячется. Но даже если девочка ученица колдуньи, то всё равно — что она делает так далеко в лесу, да и при том совершенно голой. Гуго высказал эти свои сомнения. Барон кивнул, ему тоже пришла такая мысль, а воин промолчал — рядом начальство, вот пускай оно и думает. Девочка пожала плечами, она считала всё то, что делала, правильным и само собой разумеющимся.

— Так почему ты здесь одна? И где Марта? — опять начал приставать с вопросами капитан.

— Наверное, у себя, — пожала плечами девочка.

— Она, наверное, волнуется — куда это пропала ее ученица?

— А разве Ирэн пропала? — удивилась девочка.

— Какая Ирэн? — удивился в ответ капитан.

— Ученица Марты, — пояснила девочка. — Ты же сказал, что она пропала?

— А разве не ты ученица?

— Нет.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— Купаюсь! — Девочка привычно пожала плечами, показывая, что не собирается объяснять очевидные вещи.

Капитан вздохнул и попытался зайти с другой стороны:

— А где ты живёшь?

— В пещере, — ответила девочка.

— В пещере? Той, что в скалах? — спросил капитан, он знал только одну пещеру, расположенную поблизости, ее называли — драконьей. Девочка утвердительно кивнула, а Гуго удивленно продолжил: — Это же большая пещера, там жить неудобно!

— Это в большой пещере неудобно, а в той, что за ней, очень даже удобно.

Гуго не нашелся что ответить. Насколько он знал, драконья пещера была только одна, и за ней не было никаких других пещер.

— А не соблаговолит ли юная леди пригласить нас в гости? — спросил барон, до этого внимательно слушавший и не менее внимательно рассматривавший девочку.

— А в гости ходят с подарками! — заявила

девочка.

— Мы не рассчитывали встретить здесь кого-либо. Поэтому не захватили достойных подарков. Но мы угостим леди всем, что у нас есть, — церемонно поклонился барон.

Девочка кивнула и присела в книксене, что в ее исполнении выглядело очень забавно:

— Я приглашаю благородных господ посетить мое скромное жилище. А вы умеете жарить мясо? А-то у меня не получается, всё время подгорает.

— Конечно умеем. Умеем жарить на костре, запекать в глине, готовить на углях. Вот только свежего мяса у нас нет. А вяленое не очень пригодно для жарки.

— Это ничего, главное, что готовить умеете. А мясо у меня есть, я утром козла поймала. Вот, отмывалась после охоты.

— Тогда мы постараемся удивить леди своими кулинарными талантами, — с кряхтением изобразил придворный поклон барон Дрэгис.

Капитан, выпучив глаза, смотрел на этот великосветский обмен любезностями.

— Гуго, едем. Зови наших. — Барон повернулся к своему капитану, тот отдал приказ воину:

— Поднимай дружину, привал отменяется. Пусть моего коня и коня барона приведут сюда. Выполнять.

Воин скрылся в кустах, а капитан опять пристал к девочке:

— Ты так голой и пойдёшь, тебе что, нечего надеть?

— Здесь нечего.

— Я тебе дам свой плащ, — Гуго попытался снять плащ, но девочка его остановила:

— Не надо, он будет только мешать.

Кони шли быстрой рысью за шагавшей впереди девочкой. Гуго Норек, ехавший рядом с бароном, наклонился к нему и тихо сказал:

— Не нравится мне это, вроде и не спешит, — он указал на девочку, — а мы за ней еле успеваем. И ведёт она к старой драконьей пещере.

Барон не ответил, только пожал плечами. Гуго нахмурился: барон в точности повторил движение девочки, когда та тоже пожимала плечами, будто заразился. Хмурясь, капитан продолжил:

— И пещера та — нехорошее место. Недаром селяне ее зовут — драконьей. Нечисто тут! Колдовство!

Барон Дрэгис снова пожал плечами.

Спешившиеся барон, капитан и два воина шли к драконьей пещере. Капитан помнил, что здесь была к ней удобная тропинка, но сейчас она напоминала полосу препятствий, как будто кто-то эти камни набросал. Причудливо разбросанные скальные обломки приходилось или обходить, или

перелазить через них. Наконец появилась пещера. Когда вошли под ее сумрачные своды, капитана поразило обилие всевозможных костей, живописно разбросанных по полу.

— Что это? — не удержался он от вопроса.

— А это всё дракон, он здесь живет, и это всё его жертвы, — как-то даже с гордостью ответила девочка.

Барон, внимательно рассматривавший эту костяную икебану, постучал по одной из больших костей рукоятью кинжала. Кость легко переломилась, образовав облачко белой пыли. Барон хитро посмотрел на девочку:

— Эту зверюшку дракон съел не меньше чем пятьсот лет назад, а насколько я помню, в этой пещере еще пять лет назад было чисто. И этого зверя зовут слон, это его бивень был. А слоны водятся далеко на юге, в нашем климате они замерзнут. Странно, что дракон притащил слона аж сюда, такого старого, причем уже в виде костей.

Капитан с удивлением заметил, что, невозмутимая до сих пор, девочка смутилась. Смутилась и начала оправдываться:

— Ну так, где я столько свежих костей возьму? И кости должны быть большими, чтоб все видели, что дракон больших зверей ест — значит, сам очень большой и страшный!

— А что, дракон большой? И страшный? —

прищурился барон.

— Нет, еще не большой, — вздохнула девочка, но тут же добавила, сделав круглые глаза: — Но очень страшный!

— Очень? — переспросил барон. — Если дракон такой страшный, то почему юная леди завела нас прямо в его логово? А если этот маленький, но очень страшный дракон прилетит? Разве в ее жилище нет другой дороги?

— Есть, только вы там не пролезете, там узкий лаз. Вот приходится вести вас через гостевой вход.

— Это гостевой вход? — удивился капитан и обвел рукой окружающую их мечту любого дворового пса. — С такими-то костями?! Какие же гости осмелятся сюда зайти, увидев всё это?!

— Вот для того это всё, чтобы незваные гости и не ходили, а то замахаешься камнем вход перекрывать! — вздохнула девочка.

Действительно, миновав большую пещеру с костями, девочка и ее спутники подошли к проему, который был в полтора человеческих роста высотой и в размах рук взрослого мужчины шириной. Около него лежал камень, даже не камень, а обломок скалы высотой в два человеческих роста и такой же ширины. Удивленно хмыкнув, приглашенные девочкой зашли вслед за ней в следующую пещеру. Эта пещера была чуть поменьше предыдущей, но с

более высоким сводом. Льющийся сверху мягкий свет давал хорошее освещение. Но отверстий в своде не было видно. Сложенный в углу камин трубы не имел, но и стена рядом с ним не была закопченной, что свидетельствовало о хорошей тяге вверх. Околокаминное пространство, судя по наличию больших плоских камней, изображавших мебель, было кухней. В углу журчал небольшой водопадик. Вода падала из отверстия в стене в маленькое озерко, ручейком вытекала из него и исчезала где-то под другой стеной. В дальнем углу пещеры, где царил полумрак, виднелся стожок душистого сена, накрытый мягкими шкурами, видно, служивший девочке постелью. Душистые связки травы были развешаны по всем стенам. Люди с удивлением разглядывали это пусть пещерное, но уютное жилище. Девочка легко отодвинула крышку с большого каменного ящика и достала оттуда тушу горного козла. Судя по тому, что мясо было свежее, на тушу было наложено сохраняющее заклинание. Капитан многозначительно кивнул головой, указав барону на тушу глазами. Один из сопровождавших барона воинов взял у девочки эту тушу и направился к камину. Второй попытался закрыть каменный ящик, он с натугой задвинул крышку, удивленно покачал головой и присоединился к первому дружиннику. Девочка, пройдя к своей постели,

взяла с нее платье, сшитое из домотканого полотна, и надела его. Платье ей было явно великовато.

— Вот, — девочка сделала приглашающий жест, указав на малые камни-стулья, стоящие у большого камня-стола, — садитесь.

— Как ты этого козла завалила? — спросил у девочки воин, занимавшийся разделкой туши животного. — Что-то я не вижу следов от стрелы, а в капкан поймать его невозможно.

— Шею свернула, подкралась сзади, когда он на скале стоял, и свернула.

— Как же к нему можно подкрасться? Он же на скале стоял?

— Угу, стоял и вниз смотрел, а я сверху. Козлы же редко вверх смотрят.

Воин хмыкнул, он не мог себе даже представить, как можно подкрасться к горному козлу, стоящему на скале, и как такая маленькая девочка может свернуть ему шею. Закончив разделку туши, он глянул в сторону камина. Там была навалена довольно большая куча дров.

— Пока это всё прогорит... — с сомнением сказал он. — Угли нужны, тогда мясо хорошо испечётся.

Барон толкнул своего капитана, словно о чем-то предупреждая. Капитан хотел было спросить, на что его друг намекает, но тут девочка дунула в камин. Там взметнулось жаркое пламя.

Пробушевав несколько секунд, пламя опало. В камине, вместо дров, ровным слоем лежали тлеющие угли. Капитан удивился такому быстрому способу получения углей из довольно толстых поленьев, но, видя спокойствие барона, вида не показал. Воин, разделывавший тушу, тоже не высказав удивления, стал нанизывать мясо на шампуры, которые лежали возле камина. Второй воин бросился ему помогать, раскладывая шампуры над углями.

Мясо действительно получилось очень вкусным. Капитан достал походную фляжку, там у него оказалось вино, и всех угостил. Девочка отказалась, она напилась воды из родника-водопада. В это время освещение в пещере поменялось, видно, свет от солнца, переместившегося по небосводу, стал попадать в пещеру через другие отдушины. Осветился уголок, до этого пребывавший в полумраке. Там на небольшом возвышении стояла статуэтка. Это была девушка, раскинувшая руки, будто собиравшаяся взлететь. Она была высотой всего в две ладони, но при этом были видны мельчайшие детали. У барона, взглянувшего на статуэтку, сердце пропустило два удара.

— Откуда!.. Откуда у тебя она?! — хрипло спросил он у девочки дрожащим голосом.

— Это я сама сделала, — гордо ответила

девочка, не заметив волнения барона. Затем подошла к статуэтке и провела по ней пальцами. — Это моя мама.

— Где?! Где она?! — выдохнул барон.

— Погибла, — грустно ответила девочка. — Это я делала по памяти.

— Веточка! Веточка... — прошептал барон, опускаясь перед статуэткой на колени. Тут он заметил изящное плетеное колечко, лежащее у ног статуэтke. Девочка, увидев внимание барона к этому предмету, попыталась схватить колечко, но барон успел раньше.

— Откуда?! — еще более хрипло выдохнул барон.

— Отдай! — вскрикнула девочка, — отдай!

Барон протянул девочке колечко и снова спросил:

— Откуда у тебя оно?

— Мама дала перед своей гибелью, а ей дал мой отец. Так мне мама сказала.

Барон дрожащими руками снял с шеи медальон, раскрыл его, там лежало точно такое же колечко.

— Вот, одно у меня, другое было у Веточки. Наши колечки. Это всё, что у меня осталось от нее.

Барон протянул колечко девочке, она взяла его и повертела в пальцах, что-то рассматривая. Потом подняла взгляд на Лэри де Гривза. В его

глазах стояли слезы. Он тихо сказал:

— Веточка, моя Веточка...

— Ветикалиналиона — так звали мою маму, а меня — Листикалиналиона. Мама называла меня Листиком.

— Листик, — тихо сказал барон, — Листик...

Пока барон Лэри беседовал с девочкой, а воины доедали мясо, Гуго Норек, заинтересовавшись предметами в углу, подошел и стал их рассматривать. Подняв один, нагрудную пластину доспеха, он обернулся к девочке:

— Откуда это у тебя?

— С перевала, там была битва. Там погибли воины. На них напали скальные химеры.

— Ты видела, как это случилось?

— Нет, это было несколько лет назад, а я здесь всего полгода, ну, чуть больше.

— Как ты это взяла? Там же химеры!

— А я их всех пожгла, — девочка произнесла это так, как будто жечь скальных химер было для нее очень простым и привычным делом.

Даже воины перестали жевать и слушали разговор, при этих словах девочки они дружно хмыкнули. Скальные химеры были очень опасными тварями. Чем-то похожие на драконов, только раза в два меньше, они нападали стаями и могли запросто порвать даже дракона, если тот вовремя не улетал. Химеры летать не умели. Люди выстраивали стену

из тяжелых копий, упирая их древки в землю, не давая химерам к себе приблизиться, и расстреливали их из арбалетов или жгли из огнемётов. Но если химерам удавалось прорваться за копыя — люди были обречены.

— А люди, те, что погибли? — спросил капитан.

— Я их похоронила, огненным погребением. Там же камни, копать трудно, да и много бы пришлось. А там были такие, как ты и как они, — девочка указала на слушавших ее воинов. — Вы же с севера? Да? А там именно так хоронят. Правда?

Воины закивали, мол, правильно, именно так.

— Листик, я хочу увидеть, где они погибли, — произнес барон.

— Тогда идем. — Девочка сложила колечки к ногам статуэтки, стянула с себя платье и аккуратно сложила его обратно на кровать.

— Ты что, так и ходишь? — удивился капитан. — Дома одеваешься, а когда из пещеры выходишь...

— Ага, платье жалко. Порвется, — туманно объяснила свое странное поведение девочка. Пока она собиралась, оба дружинника ушли поднимать своих товарищей. Пропустив вперед барона и его капитана, девочка замешкалась у выхода из своей пещеры. Посмотрев на остановившихся мужчин, она сказала:

— Дверь закрыть надо.

Удивленный капитан смотрел, как силуэт девочки размылся и стал увеличиваться. Через мгновение у камня-двери стоял дракон, стоял на задних лапах. В три человеческих роста, он, тем не менее, уступал в размерах драконам, что видел капитан, примерно втрое, да и те никогда не становились на задние лапы. Этот же дракон имел почти человеческую фигуру, очень изящную фигуру, даже спинной гребень, мощный хвост и прижатые к спине крылья не портили ее. Красивая золотисто-изумрудная чешуя слабо поблескивала в скудном освещении пещеры с костями. Дракон легко взял передними лапами камень и закрыл им вход. Силуэт дракона снова затуманился и размылся, и перед мужчинам опять стояла девочка-подросток.

— Ну что, пошли? — вопросительно подняла она бровь. Ошарашенный капитан посмотрел на своего командира:

— Лэри, ты... Как ты догадался?

— Она дочь Веточки, — пожал плечами барон.

— Так, значит, твоя Веточка тоже была...

— Да, — коротко ответил Лэри де Гривз, барон Дрэгис.

Солнце стояло в зените, но в горах было

довольно холодно. Но это не беспокоило девочку, чья обнаженная фигурка шагала впереди отряда барона Дрэгиса, ехавшего рысью. Отряд шел, не останавливаясь с самого рассвета. Заночевали у самых гор, в ранее заваленном, а теперь расчищенном ущелье. Гуго Норек боялся, что ночью могут напасть какие-нибудь твари, в изобилии водящиеся в предгорьях. Но ночь прошла спокойно. Видно, твари боялись дракона, вернее, девочки, которая всю ночь проспала завёрнутая в плащ барона. Спала она, положив голову барону на колени. Гуго подозревал, что его друг так и просидел всю ночь, не сомкнув глаз, он гладил девочку по голове и счастливо улыбался, при этом его губы что-то шептали. Гуго не расслышал — что. Теперь же капитан с беспокойством поглядывал на своего друга, ведь отряд шел десять часов без привала, но барон не выказывал признаков усталости. Капитана беспокоило и то, что отряд шел прямо в логово скальных химер, погубивших предыдущую экспедицию. Не то что бы он не верил словам девочки, но всё же... А воины барона шли за своими командирами, не высказывая и тени сомнения: даже если на перевале засели скальные химеры, и барон со своим капитаном ведут их на верную гибель, — то такова воля богов. И вообще, что может быть лучше для воина-норвея чем смерть в бою?

Широкая площадка сменила узкую дорогу, одним боком прижимаясь к отвесным скалам, а другим нависая над глубокими пропастями. Отряд резко остановился. Увиденная картина впечатляла. Широкая площадка, где раньше делали привал торговые караваны и где принял последний бой отряд Тэрика, примыкала к отвесной скале, уходящей вверх. Отряд остановился без команды, пораженный открывшейся картиной. На скале был очень искусно высечен барельеф — группа израненых воинов готовилась к последнему бою, впереди стоял их командир. Помятый доспех, глухой шлем, нога, наступившая на отрубленную голову скальной химеры, меч в руке, острие которого направлено вниз. Весь вид израненых и уставших воинов говорил о решимости принять этот последний бой.

— Тэрик, — покачнувшись, глухо произнес барон.

Гуго поддержал его. Сзади одобрительно загудели воины. А капитан сказал, обращаясь к девочке:

— Кто это сделал?

— Я! — гордо ответила девочка. — Я нашла здесь следы битвы и похоронила воинов. А они же были норвежцами, доспехи у них были норвежские, — пояснила девочка, как она определила национальность погибших. — Вот я их и

похоронила.

А потом продолжила, как бы оправдываясь:

— Но здесь же кругом скалы, копать тяжело. Вот я всё и сожгла, ведь у норвегов же принято огненное погребение? Да? А потом согнала сюда скальных химер и тоже сожгла, ну как жертву. Мама мне говорила, что когда знатного норвега хоронят, то надо жертву принести, чтоб путь в Валгаллу был легким. Ведь они туда же уходят? Правда, ведь? Ну и потом решила, что если тут они нашли свою смерть, то надо памятник им поставить, вот я и сделала.

— Ты всё правильно сделала, доченька! — хрипло выдохнул барон.

— А почему в шлеме? — спросил капитан, показывая на фигуру воина с мечом, которая выдавалась вперед из барельефа и скорее была статуей. — Ведь мы не носим закрытых шлемов!

— Но я же не видела его лица!

— Вот, — барон снял с шеи медальон, где раньше лежало колечко, и открыл его. На внутренней поверхности крышки было выгравировано лицо юноши. — Вот, вот это он. Тэрик!

Девочка взяла медальон, некоторое время его рассматривала, а потом вернула барону. Повернувшись к скале, вытянула в ее направлении руки. Сорвавшееся с них пламя ударило в фигуру,

выступающую из барельефа. Когда пламя опало, у воина на голове не было шлема. Суровое лицо, выступающие скулы, развевающиеся волосы, крепко сжатые губы, взгляд, устремленный вперед, — всё это как-то удалось выразить в камне.

Все дружинники барона, выхватив мечи, подняли их вверх, и громкий боевой клич норвеев раскатился по окрестным горам. Барон спрыгнул с коня и встал на одно колено перед девочкой:

— Спасибо, Листик!

Потом поднялся и громко, как в былые годы отдавал команды, произнес:

— Я, граф Лэри де Гривз, барон Дрэгис, перед Богом и воинами своей дружины признаю Листика...

Он вопросительно посмотрел на девочку; та, поняв, что он хочет спросить, сказала:

— Листикалинару...

— Листикалинару — повторил барон, — признаю своей дочерью и объявляю наследницей!

Боевой клич норвеев снова разнесся над горами, потом воины дружины во главе со своим капитаном спрыгнули с коней и опустились на одно колено перед девочкой. Барон назначил своего наследника, вернее, наследницу. То, что она девочка, — такова воля их командира и сеньора. И еще воины были благодарны ей за то, что она сделала для их павших товарищей. Ведь что может

быть лучше для воина-норвея чем погибнуть в бою? Только погибнуть в бою с последующим огненным погребением!

Глава вторая. Принцесса и рыцарь

Гуго Норек, капитан дружины баронессы Дрэгис, сидел на верхней площадке донжона замка. Сидел потому, что уже немолод стоять, вот и принесли сюда кресло специально для него. Принесли вместе с поворотным кругом, чтоб можно было поворачиваться в любую сторону и смотреть в подзорную трубу, что капитан и делал. Он осматривал окрестности, а караульный, чей пост был на вершине донжона, тоже осматривал окрестности, в конце концов — это была его прямая обязанность, но осматривал так, чтоб всё время находиться за спиной капитана и не мешать ему.

Гуго посмотрел на купеческий обоз, пыливший по дороге мимо замка. Обоз шел к Ларнийскому перевалу в Хасийских горах. Открытый год назад, перевал снова стал наиболее удобной дорогой через горы, и пошлина, взимаемая с купцов, едущих по этой дороге, стала основным доходом баронства Дрэгис. Это позволило снизить налоги на крестьян, что сразу увеличило поток переселенцев в баронство. И, как результат, в баронстве было уже семь деревень. Кроме этого,

стабильный доход позволил увеличить дружину до ста воинов. Ведь дружинникам не только платить надо, но и кормить их, одевать, вооружать. Да и новые метательные машины на стенах замка — тоже результат постоянных поступлений доходов в казну баронства. Гуго усмехнулся, вспоминая. Когда было объявлено о безопасности Ларнийского перевала, он лично провел первые три купеческих каравана. Убедившись, что дорога безопасна, по ней сразу, сплошным потоком, пошли купеческие обозы. Правда, не обошлось без эксцессов. Сначала лихие люди решили, что пошлина с купеческих караванов полагается не только барону Дрэгису, но и им. Но «лесных братьев» быстро выловили баронские дружинники. Выловили и развесили на деревьях вдоль дороги. Воины барона сразу же выходили на стоянки разбойников, как только те появлялись в Дрэгисском лесу. Те даже не успевали разведать выходы к дороге, чтоб устроить там засаду. Как будто кто-то сразу узнавал о появлении чужих в лесу и сообщал об этом капитану. Гуго снова усмехнулся, он-то знал, кто на самом деле хозяин леса и кому обо всём докладывают все его обитатели, даже лесная нечисть.

Потом сосед, герцог Вэркуэлл, решил, что такие доходы — это будет многовато для простого барона. И он вторгся в баронство, объявив, что сделал это исключительно для безопасности

торгового пути через горы. А где он был все эти три года, пока на перевале хозяйничали скальные химеры? Почему тогда не пошел и не уничтожил их? Нет же, позарился на доходы, что стал получать барон. Не подумал герцог, что если у барона появилась сила, позволившая ему отбить перевал, то и справиться с бароном ой как не просто будет. И когда против почти тысячного войска герцога выстроилась дружина барона Дрэгиса, герцог откровенно начал смеяться. А потом прилетела та самая сила и тремя огненными плевками разогнала всё войско Вэркуэлла. Герцог даже королю жалобы подавал, что, мол, барон с чудовищем связался. Приехали отцы инквизиторы, долго всё тут вынюхивали, но так ничего и не нашли. А то, что дружинники у барона норвеи-язычники, так и в гвардии короля половина таких норвеев. Кстати, пополнение дружины капитан организовал тоже из земляков-норвеев.

А полгода назад старый барон умер. Похоронили его на перевале, рядом с могилой сына. Похоронили так, как он просил, — огненным погребением, по норвейскому обычаю. А потом Листик сделала еще одну статую, так и стоят рядом — отец и сын, как бы охраняя перевал. Среди купцов и путников уже возникла легенда о двух воинах, отдавших свою жизнь в битве с чудовищами. И бог или боги, это кто во что верит,

за их героизм даровали им такое посмертие — охранять перевал. Так их теперь и называют — «Стражи перевала». И лежат у ног Стражей цветы, и все, кто проходит, останавливаются у Стражей помолиться, а купцы бросают мелкую монетку в пропасть, верят, что это принесет удачу.

Гуго снова усмехнулся, вот так рождаются легенды, обрастают подробностями и живут века, и никто потом не помнит, с чего всё началось. Капитан посмотрел в подзорную трубу. Над горами появилась точка. Гуго подождал, а потом навел трубу на скалы, где находилась драконья пещера. Точно, Листик летит! Капитан забеспокоился, обычно Листик улетала в горы поохотиться рано утром, еще затемно, и прилетала тоже в темноте — чтоб никого не пугать и не беспокоить. Ведь о том, кем является баронесса Дрэгис, знали очень немногие. Или же уходила пешком к своей пещере и уже оттуда взлетала. Туда же возвращалась, если было светло. Могла вообще неделю не появляться в замке. Дружинники любили свою баронессу, а капитан, у которого никогда не было семьи, вообще в ней души не чаял. Теперь он с беспокойством наблюдал за ее полетом. Листик летела к пещере и несла явно не козла. Капитан поднялся со своего кресла и пошел вниз, он решил послать нескольких дружинников к пещере, так, на всякий случай, а то мало ли что.

Капитан королевских гвардейцев взмахнул мечом, располовинив очередного нападавшего. Это же надо, даже не скрываются! Капитан давно узнал, кто на них напал. За густо лезшими на конвой наёмниками маячили люди герцога Наразака. Гвардейцы дрались хладнокровно и умело, отдавая одного своего за четверых, а то и за пятерых нападавших. Но гвардейцев было всего тридцать, а нападавших несколько сотен. Но, всё равно, конвой уже почти прорвал кольцо нападавших, когда капитан увидел преграждающий дорогу строй арбалетчиков в цветах герцогских дружинников. Те подняли свои арбалеты, капитан понял — это конец. Ведь болты из тяжелых арбалетов пробьют даже доспехи из драконьей кожи с нашитыми на них стальными пластинами, что были на королевских гвардейцах. Пусть первый залп положит не всех его людей, но пока королевские гвардейцы доберутся до них, дружинники герцога успеют сделать еще один залп. Мало того, болты из тяжелых арбалетов пробьют насквозь карету, а там...

Говорят, что в минуты смертельной опасности, время как бы замедляет свой бег. И капитан видел, как медленно поднимаются арбалеты, болты также медленно нацеливают свои наконечники, вот дрогнули пальцы на спусковых

крючках и медленно начали сгибаться. И тут строй арбалетчиков утонул в ревущем пламени. И в гущу дерущихся людей упал дракон. С изумрудно-золотой переливающейся чешуей, он совсем не был похож на тех драконов, которых видел капитан. Гораздо меньше, намного гибче, он, казалось, танцевал среди застывших людей. Его крылья и лапы со страшными когтями мелькали в завораживающем ритме. Каждый их взмах, как и взмах хвоста, уносил одну, а то и две жизни. Послышалась гортанная команда, и, опустив длинные копья, на сражающихся, ускоряясь, двинулась основная дружина герцога Наразака — полторы сотни тяжелой рыцарской конницы. До этого скрывавшиеся за изгибом дороги рыцари теперь неслись на замерших людей. Капитану снова захотелось зажмуриться, теперь точно конец! Эти снесут и затопчут всех, и дракона в том числе. Дракон рыкнул и выдохнул струю пламени в сторону скачущих рыцарей. Это было невозможно, но это остановило их атаку. На дороге валялись обугленные трупы людей и лошадей в оплавленной броне, те же, кого пламя задело лишь вскользь, с дикими крикам факелами катались по дороге. Еще раз выдохнув струю пламени в сторону части леса, скрывавшего поворот дороги, дракон одним ударом лапы сорвал крышу с кареты, выхватил оттуда белый комок и взмыл в небо.

— Принцесса! Принцесса похищена! — Истошный крик фрейлины заставил очнуться замерших людей. Оглядевшись, капитан с удивлением отметил, что напавший дракон не тронул никого из его бойцов. Хотя он ворвался в самую гущу боя и раздавал удары направо и налево, но при этом бил только по людям герцога.

— Принцесса похищена! — продолжала вопить фрейлина.

Капитан поморщился:

— Заткните ее кто-нибудь.

— А ну, цыть! Курица! — рыкнул на нее один из гвардейцев.

— Капитан! Наши потери — восемь убитых и четверо тяжелораненых! — доложил сержант. Капитан кивнул и распорядился:

— Убитых и раненых в карету, продолжаем движение!

— А принцесса? — спросил сержант. Капитан нахмурился:

— Сержант, вы умеете летать? Или знаете, куда полетел этот странный дракон? А вот герцог Наразак может организовать еще одно нападение.

— Для чего? — удивился сержант и показал на нескольких улепетывающих. — От них он узнает, что принцесса похищена.

— Для того, чтобы король не узнал, кто напал на конвой принцессы. Если бы захват принцессы

удался, как вы думаете, сержант, его люди оставили бы нас в живых? То-то. Проверьте, остался ли кто в живых из людей герцога. Если найдете — связать, и привяжите к вьючным лошадям, карета и так перегружена. Выполнять! Через пять минут мы должны двинуться дальше.

И уже когда колонна конвоя, потерявшая принцессу, в быстром темпе двигалась по лесной дороге, уходя от места засады, капитан поделился своими соображениями с сержантом:

— Если бы не этот дракон, мы бы все погибли. Хотя, если бы он не поубивал людей герцога, я бы решил, что этот дракон науськан герцогом, чтоб похитить принцессу.

— Как такое возможно? — удивился сержант, скакавший рядом с капитаном, — Ведь драконы не поддаются дрессировке!

— А еще драконы не выдыхают пламя, — капитан слегка прищпорил своего коня, увеличивая скорость движения. — А этот, вы заметили, сержант, поливал огнем, как батарея крепостных огнемётов, при этом дальность его огня превышала раз в пять их дальнобойность. И я думаю, что это не предел. И потом, он украл именно принцессу, как будто знал, кого надо было красть.

— Ну, на эту толстую курицу вряд ли кто бы позарился, — усмехнулся сержант, намекая на фрейлину. — А, по легендам, драконы всегда

похищают принцесс.

— Вы верите этим глупым сказкам? Еще не было ни одного случая, чтоб дракон похитил принцессу. Простых селянок — да. И исключительно с гастрономической целью, дракону всё равно кого съесть — овцу или селянку. Причем всегда, если есть выбор между селянкой и коровой, дракон хватается корову. Так что тот дракон должен был схватить именно фрейлину, но он унес принцессу.

— Но баллады... в них поётся, что дракон похищает принцессу, а потом появляется отважный рыцарь и спасает ее...

— Убивая при этом дракона. Сержант! Ну, подумайте сами, для чего дракону похищать принцессу! Чтоб в итоге быть убитым? Корова больше, да и искать ее будут не так тщательно и активно, как принцессу. Уж во всяком случае, отважный рыцарь не будет спасать корову. Да и охраняется принцесса намного лучше, чем корова, это понимают как разумные, так и самые безмозглые твари! А у драконов есть, пусть и слабый, но разум.

— Но, капитан, этот дракон украл именно принцессу!

— Вот это-то и странно, и очень подозрительно!

Принцесса Милисента открыла глаза. Она пришла в чувство от того, что ей плеснули в лицо пригоршню холодной воды. Первое, что она увидела, — ухмыляющееся лицо. Курносый нос, зеленые глаза, веснушки на щеках, лицо то ли мальчика, то ли девочки — в этом возрасте еще трудно разобрать. Тем более что торчащие в разные стороны рыжие вихры никак не говорили о половой принадлежности этого лица.

— Где я? — спросила принцесса и тут же вспомнила недавние события. — А где дракон?

— А зачем тебе дракон? — спросило ухмыляющееся лицо. Голос был какой-то странный, одновременно и звонкий, и хриплый.

— Меня похитил дракон! На нас напали, гвардейцы отца сражались, а потом дракон! Он разломал карету и схватил меня!

— Ага! — радостно подтвердило лицо.

— Что — ага? Меня дракон похитил! — немного обиженно сказала принцесса.

— Ага, — снова подтвердило ухмыляющееся лицо. — Похитил. И унес. В пещеру!

Потом лицо звонко засмеялось, принцесса осмотрелась вокруг — действительно это была пещера. Она с ужасом посмотрела на собеседницу — это была девочка. Милисента это увидела, когда та отошла, девочка была совершенно голой.

— А ты кто? — спросила принцесса.

— Листик, — ответила девочка. Заметив удивление принцессы, пояснила: — Вообще-то мое имя Листикалинаруиона, но его мало кто может выговорить, поэтому его сократили до Листиканила — это если официально, а Гуго называет меня Листиком.

И, видя непонимание принцессы, объяснила еще:

— Гуго Норек, капитан дружины дрегисского баронства, да и другие дружинники меня так называют. А тебя как звать?

— Я принцесса Милисента! — гордо ответила принцесса, упоминание о баронской дружине ее успокоило. А ее собеседница громко рассмеялась, хлопая в ладоши:

— О-о-о! Классика! Дракон похищает принцессу! Как в рыцарской балладе! Только вот, принцесса, чего ты такая грязная?

— Мы ехали к моему батюшке королю, скрытно. Потому ночевали не на постоянных дворах, а в лесу. Где же там было помыться?

— Тогда раздевайся, сейчас мыться будем! — опять засмеялась девочка Листик и добавила: — Мне тоже помыться надо, я с охоты, такого козла поймала! И бросила, из-за тебя, вот!

Девочка плюхнулась в озерко под водопадиком. Озерко оказалось неожиданно глубоким, девочке по грудь. Она с удовольствием

поплескалась и посмотрела на принцессу:

— Вставай давай, это, между прочим, моя постель, а ты на ней грязная лежишь, в сапогах. Раздевайся и лезь сюда!

Принцесса смущенно вскочила, он все-таки была воспитанной девушкой. И начала раздеваться, пугливо оглядываясь по сторонам:

— Так это пещера? Не замок?

— Пещера, пещера! — Листик выскочила из импровизированной ванны и стала помогать принцессе, развязывая многочисленные завязки и отстёгивая крюпочки.

— Ой! — воскликнула принцесса, увидев большую дыру на спине платья.

— Извини, — почему-то начала оправдываться смутившаяся Листик, — это я нечаянно!

— Разве ты могла это сделать? Вон какая большая дыра!

— Ага! — Еще больше смутилась Листик, это я когтем, когда тебя несла. Но ты не беспокойся, сходим к Марте, у нее есть нитки и иголки, там зашьем!

Принцесса посмотрела на руки Листика, ее перламутровые ногти никак не напоминали когти, которыми можно так порвать платье, да и сама Листик вряд ли могла ее долго нести. Решив выяснение этого вопроса оставить на потом,

принцесса спросила:

— А кто такая Марта?

— Это травница и лекарка, она здесь недалеко живет, — ответила Листик, довольная тем, что принцесса не ругает ее за порванное платье.

Принцесса уже совсем разделась и попробовала ногой воду:

— Ай! Какая холодная! Как ты в ней купаешься?

— Разве холодная? Я привыкла, не замечаю, — пожала плечами Листик и добавила: — Счасс!

Принцесса с удивлением увидела, как ее новая знакомая дунула на воду пламенем, потом подтолкнула принцессу, та попробовала воду ногой — вода была теплая, даже слегка горячая. Листик снова прыгнула в воду, окатив принцессу брызгами. Принцесса тоже прыгнула в эту импровизированную ванную. Некоторое время девочка и девушка с визгом плескали друг на друга водой. Наплескавшись, принцесса спросила:

— А как же мыться? Мыло есть?

— Вот, — Листик достала из-за камня кусочек душистого мыла и баночки с не менее душистыми жидкостями, — вот мыло, а этим голову мыть. Это мне Ирэн принесла.

— А кто такая Ирэн?

— Это ученица Марты, она скоро должна

прийти. Они с Мартой нас видели.

Помывшись, принцесса устало вылезла из бассейна. Листик обратила внимание на то, какая принцесса бледная, а по ее бледному телу были разбросаны черные пятна размером с серебряную монету. Коснувшись одного пальцем и резко отдернув руку, девочка спросила:

— Это что?

— Болезнь, — коротко ответила принцесса. Купание утомило ее и она села на один из камней. Видя недоумение девочки, принцесса пояснила: — Это болезнь, такая же, как и у моей сестры. Ее не смогли вылечить, и она умерла. И у меня такая же, и я тоже скоро умру. — Принцесса произнесла это спокойно, как бы констатируя факт. Видно, она уже давно свыклась с этой мыслью. Милисента устало закрыла глаза. Девочка снова потрогала черное пятно, а потом стала ощупывать принцессу, водя по ее телу руками.

— Ты что? — Открыла глаза принцесса.

Девочка отступила на шаг и сказала:

— Сиди и не двигайся!

На принцессу обрушился поток пламени. Это пламя было белым и оно не жгло. Милисента даже если бы хотела пошевелиться, то не смогла бы. Ей становилось то жарко, то холодно, но терпеть можно было. А потом всё тело начало нестерпимо болеть, принцесса закричала и потеряла сознание.

Милисента открыла глаза, она снова лежала на знакомом стожке. Она помнила боль, погрузившую ее в беспамятство, но сейчас у нее ничего не болело. Она попробовала пошевелиться, это у нее получилось.

— О! Шевелится! — раздался знакомый голос.

— Девочка, как ты себя чувствуешь? — Над принцессой склонилась женщина, молодая на вид, но с седыми прядями в черных волосах. — Листик! Ну, разве можно так делать?!

— А как? — спросила девочка, тоже наклонившаяся над принцессой. — Она же умирала! Еще немного бы — и умерла бы совсем! А так, вон видишь, Марта, смотрит, и сейчас ругаться начнет!

— Я не буду ругаться! — Принцесса села и отбросила простыню, которой была накрыта. Она с удивлением смотрела на свое тело — черные пятна исчезли. Принцесса провела рукой по тому месту, где было самое большое пятно, и спросила: — Но как? Как это получилось? Вы меня вылечили? Я теперь не больна?

— Это, деточка, была не болезнь. Это проклятие, проклятие некроманта, и очень сильное. Оно не лечится и не снимается. По крайней мере, до сих пор так считалось, — сказала женщина.

— Но эти мерзкие пятна пропали!

— Да, деточка, скажи спасибо Листик, она просто выжгла проклятие. На моей памяти такое — в первый раз. А ты, Листик, следующий раз спроси у меня, если задумаешь опять что-то подобное сделать. Если бы эта девочка была бы обычным человеком, то ты просто убила бы ее. — Женщина укоризненно посмотрела на рыжую девочку, та нисколько не смутилась:

— Но не убила же! Я всё правильно делала, как надо!

— А откуда ты знаешь, что всё делала как надо? И почему ты ее сюда принесла?

— Ну, я охотилась, такого козла поймала! И когда его несла, вдруг поняла, что должна быть там и забрать ее, — Листик ткнула пальцем в принцессу.

— Интересно, — протянула женщина. — Что-то тебе подсказало, куда...

— Вот, всё готово! — раздалось от камина, принцесса посмотрела туда и увидела хлопотавшую у стола черноволосую девушку, примерно одного с ней возраста. Та приглашающе махнула рукой: — Давайте сюда, а то всё остынет.

— Ой! — смутилась принцесса, на ней была только простыня, и та упала, когда она встала. А где мое платье?

— Я его заштопала и постирала, — сказала девушка. — Уж очень его Листик подрала когтями

и запачкала, когда тебя несла.

— Ну, надо же мне было ее за что-то зацепить! — стала оправдываться девочка, и чтоб отвести разговор от такой неприятной для нее темы, начала представлять присутствующих друг другу:

— Познакомься — Марта, она здесь лекарка и самая лучшая травница! А это Ирэн, она ученица Марты, — сказала Листик, по очереди указав на женщину и девушку.

— А это Милисента, она принцесса! — Листик указала на принцессу, севшую обратно на стожок сена, указала так, как будто то, что Милисента принцесса, целиком ее заслуга. Ирэн рассмеялась и, расставляя угощение, сказала:

— Ладно, мойте руки, ваше величество и ваша милость. Вытирайся, вот полотенце, а то я знаю, у Листика их тут не водится. Она так сушиться.

Девушка достала из большой корзины, которую гости принесли с собой, полотенце, и подала его принцессе. Женщина взяла платье принцессы, посмотрела на зашитую прореху и покачала головой:

— М-да, видно шkodливую лапку одного дракончика.

— Ну, так я же спешила, там бой шел. Надо было принцессу вытаскивать и ее солдатам помочь...

— И как это ты всегда везде успеваешь.

Правда, при этом клочки и лоскутки в разные стороны летят, — засмеялась Ирэн.

— Так на солдат принцессы бы снова напали, там за лесом еще были, другие, ну такие же, как те, что нападали. А так, пока разобрались, куда принцесса делась, вот ее сопровождающие убежали... — стала туманно объяснять Листик.

— Наверное, волнуются... — укоризненно начала Ирэн, но ее перебила принцесса, переводившая удивленный взгляд с девушки на девочку:

— Пойдите! Меня ведь дракон похитил? Так?

— Так, — утвердительно вместе кивнули девочка и девушка. Женщина улыбнулась. А Милисента обратилась уже к Ирэн:

— А почему ты именно Листика ругаешь за то, что меня похитил дракон?

Ирэн улыбнулась и официальным тоном произнесла:

— Ваше высочество, разрешите вам представить Листиканилу, баронессу Дрэгис, она же Золотой Дракон!

— Листик! Она что, шутит?

— Не-а, — замотала головой Листик и отпрыгнула на середину пещеры. Принцесса пораженно замерла — там стоял дракон! Очень изящный, если так можно сказать про дракона, с изумрудно-золотистой чешуей, с большими

зелеными глазами. Он похлопал пушистыми ресницами и произнес голосом Листика:

— Ну?

Принцесса сделала шаг назад и уперлась в каменный стол. А Ирэн, засмеявшись, сказала:

— Листик, не пугай свою гостью!

Возле стола снова стояла рыжая девочка. Принцесса недоверчиво потрогала ее, всё произошло так быстро, что она даже не успела испугаться:

— Листик, а ты и вправду дракон?

— Ага!

— И баронесса?

— И баронесса тоже, одно другому не мешает.

— Ой, Листик! — Принцесса от избытка чувств обняла девочку. — Какой ты красивый дракон!

— Ага, — гордо подтвердила Листик.

Принцесса перевела взгляд на женщину:

— Марта, вы сказали, что я бы умерла, если бы была человеком, а разве я не человек?

— Человек, но не совсем. В тебе есть кровь драконов. Не таких, как здесь водятся, то не драконы, а настоящих, истинных, таких вот, как она, — женщина кивком указала на Листика. Девочка уже сидела за столом и ела пирожок. А Марта продолжила: — Но драконом ты не стала, просто проявились некие свойства организма —

сопротивляемость к магии и некоторые другие способности. Вот, к примеру, попробуй ударить по камню.

Принцесса с сомнением посмотрела на камень, стоящий в трех метрах от нее, женщина ободряюще улыбнулась:

— Представь, что это твой враг, и ударь его мысленно, ну взмахни рукой, будто замахиваешься, и...

Принцесса замахнулась и резко опустила руку, как будто действительно ударила; сорвавшееся с ее руки пламя расколело камень на мелкие осколки. Листик радостно захлопала в ладоши, а Марта, покачав головой, сказала:

— Пока ты будешь гостить у Листика, я с тобой позанимаюсь, такую силу надо научиться контролировать, да и Листик поможет, да?

Рыжая девочка-дракончик утвердительно закивала головой, ответить она не могла, так как жевала пирожок.

Хриплый рёв разбудил принцессу Милисенту, и не только ее. Рядом завозила и открыла глаза рыжая девочка. С другой стороны подняла свою черноволосую голову Ирэн. Она покачала головой и произнесла:

— Бедное животное, за что же его так мучают?!

И, как бы подтверждая ее слова, снова раздался хриплый рёв, с какими-то визгливыми нотками. Рыжая девочка замотала головой и высказала свою догадку:

— Как жалобно воет! Наверное, его за хвост тянут, и ему очень больно!

Принцесса засмеялась и, видя осуждающие взгляды своих новых подруг, пояснила:

— Это рыцарский рог, и рыцарь в него трубит.

— А разве у рыцарей есть рога? — удивилась Листик.

— Но если рыцарь в него трубит, — сделала предположение черноволосая девушка, — то, наверное, есть.

— Какие вы смешные, — засмеялась принцесса, — вы, что, рыцарей никогда не видели?

— Видели, почему не видели! — даже немного обиделась черноволосая девушка. — Только те рыцари не издавали таких жутких звуков!

Снова раздался этот душераздирающий рёв, и рыжая девочка, поморщившись, высказала свою догадку:

— Это потому, что у них рогов не было, а как только появляются, так они сразу трубить начинают. От радости, нет, скорее, с горя, уж очень противно трубит.

Принцесса уже громко захохотала:

— Листик! Ты что, тоже настоящих рыцарей не видела? Ты же баронесса! У тебя должны быть вассалы, рыцари!

— Ну, Милисента, я же приграничная баронесса. У меня не вассалы, а дружина. Воины-норвеи у меня, и у них рогов нет! Вот они и не трубят в рога по утрам, как эти дикие рыцари!

Тут заулыбались обе девушки, вчера они славно посидели, поужинали. У Ирэн в ее бездонной корзине нашлась небольшая бутылочка с вишневой наливкой, и они с принцессой выпили, совсем по чуть-чуть. Листику не давали, мотивировав это тем, что она еще маленькая. Листик расстроилась, признала, что она действительно очень маленькая, еще и двадцати нет, а до первого совершеннолетия ждать почти двести лет. Ее пожалели и налили, ну самую малость. Потом хором пели любимую песенку Листика про кузнечика. В общем, хорошо провели время, засиделись за полночь. Это был последний день пребывания принцессы в гостях у Листика. Две недели пронеслись как один миг. Учёба у Марты, проказы в лесу с Листиком и Ирэн. А самое захватывающее — полёты! Полёты, когда Листик превращалась в дракончика и катала на себе принцессу. Вчера подруги решили устроить прощальный ужин и немного засиделись. И вот теперь какой-то рыцарь с рогами не дает выспаться,

с самого раннего утра трубит под пещерой.

— Ну что он дудит? Что ему надо? — плачущим голосом спросила Листик, ей очень хотелось спать. И как бы отвечая на ее вопрос, рыцарь перестал дудеть и громким зычным голосом закричал:

— Выходи, поганое чудовище, на смертный бой! Выходи и ответь за свои злодеяния! За похищенных принцесс! За вдов и сирот!

— Однако, — протянула Ирэн и повернулась к принцессе, — откуда это он узнал про тебя? И при чем здесь вдовы и сироты?

— Выходи и отведай рыцарской стали! — продолжал надрываться рыцарь.

— Это он что? Нам такое вот угощение принес? — удивилась Листик. — Мало того что в такую рань, так еще и совсем несъедобное!

— Выходи, поганый дракон! — закончил свою речь-вызов рыцарь и снова затрубил в рог.

— Еще и обзывается! — возмутилась Листик. — Кого это он назвал «поганим драконом»?

— Ну, Листик, рыцари так всегда вызывают драконов на бой, — пояснила принцесса.

— Так он что, сюда с утра подрагаться пришел? — Листик уже серьезно рассердилась. — Нашел бы себе такого же, как он сам, рогатого рыцаря, и дудели бы друг на друга!

— Пошли посмотрим на этого рыцаря, — предложила Ирэн. — Есть ли у него рога или нет?

— Ага, и смотреть не будем, сразу эти рога поотшибаем, чтоб не дудел. И хвост оторвем!

— Листик, а почему ты думаешь, что у него хвост есть?

— Если рога есть, то и хвост может быть! Ирэн, вот спроси у Милисенты, она рыцарей вблизи видела. Есть у них хвосты или нет?

Листик вскочила со стожка, на котором они ночевали, и, пока девушки одевались, в нетерпении нарезала вокруг них круги. Потом троица вышла, но не через главный вход, который в драконьей пещере, он сейчас был заложен камнем-дверью, а через узкий запасной. Они вышли выше и левее пещеры. И закрытые густыми кустами стали рассматривать поляну перед главным входом.

Посреди поляны стоял тощий боевой конь рыцаря-драконоборца. На нем восседал такой же худой рыцарь. Его худобы не скрывали даже латы. Латы были так себе, да еще слегка помятые. На голове рыцаря красовался шлем, похожий на детскую панамку, но со стальной личиной, закрывавшей лицо.

— А панамку он, что, от солнца надел? — удивилась Листик. — Он что, тут собирается торчать весь день? А в кустах там кто?

— Это оруженосец, — пояснила принцесса,

как наиболее сведущая в рыцарских обычаях. — Он за рыцарем оружие носит.

— Так у рыцаря вон щит, копье и вроде как меч, зачем ему еще оружие? Тем более что у оруженосца только дубинка. — Листик, склонив голову, рассматривала сквозь ветви кустов этих драконоборцев. Принцесса хотела продолжить пояснения, но рыцарь, сдвинув свою личину немного в сторону, поднес к губам рог и полянку вновь накрыл истошный визг.

— Ну, всё, я больше не могу этого терпеть! — зарычала Листик и прыгнула сквозь кусты на поляну. За спиной рыцаря приземлился уже золотистый дракон. Стоя на задних лапах, он, больше, чем на человеческий рост, возвышался над рыцарем, сидящим на лошади. Дракон похлопал рыцаря по плечу и, когда тот обернулся, очень недовольным голосом сказал:

— Слышь, ты, дудеть перестань!

Хосе Ируво, отважный оруженосец доблестного рыцаря-драконоборца Бертрана де Виллио, сидел в кустах. Оруженосец сидел в кустах не потому, что боялся, нет, а потому, что бой должен быть честным. Потом, когда чудовище будет повержено, он выйдет добивать. Для этого он и сжимал в руках увесистую дубину. Увы, его господин был беден, и средств на оружие для

оруженосца не хватало. Впрочем, Хосе и не возражал, зачем ему таскать лишнее железо, жизнь и так тяжела, поэтому ее и следует облегчать всеми доступными способами.

Путь к этой пещере, где засела мерзкая тварь, благородному рыцарю Бертрану указал какой-то крестьянин, за серебряную монету. Между прочим, последнюю монету, что оставалась у его господина. И вот они вышли на бой совсем голодные, так как вчера не ужинали, а сегодня не завтракали. Одна надежда, что у дракона в пещере спрятаны несметные сокровища, если же сокровищ нет, то и шкура дракона ценится не дешево. Из шкур драконов, когда на них сверху крепят стальные пластины, получают отличные рыцарские доспехи. Благородный рыцарь Бертран уже почти час вызывал подлую тварь на бой, по всем правилам вызывал, но дракон из пещеры не выходил, наверное, боялся. И это вдохновляло, хотя, с другой стороны, чтобы сразиться с этим трусом драконом, придется лезть в пещеру, а там вон сколько костей! И все такие большие! Выходит, и дракон не маленький! И вот когда Хосе уже решил, что дракон не появится, тот появился. Появился, как и положено подлой твари, неожиданно и за спиной рыцаря. Но вместо того чтобы напасть, сказал очень злым голосом:

— Слышь, ты, дудеть перестань!

От удивления Хосе выронил свою дубину, а благородный рыцарь Бертран тоже выронил свой рог, подпрыгнул вверх вместе с конем и храбро рванул от дракона. Дракон же, вместо того чтоб бросится за рыцарем, наступил на рог и с каким-то злорадством на нем потоптался, раздавив его. Рыцарь же, сделав круг, наклонив свое копьё, с воинственным кличем помчался на дракона. И когда, казалось, что рыцарь насадит эту мерзкую тварь на копьё, как каплуна на вертел, дракон увернулся, и рыцарь промчался мимо. Развернувшись, рыцарь вновь поскакал на дракона, но дракон снова увернулся. Так продолжалось некоторое время, причем дракон раскрытым крылом махал перед скачущим на него рыцарем, как опытный тореро машет своей мулетой перед носом быка. При этом дракон даже приговаривал время от времени: — «Торро, торро!» Хосе даже показалось, что он слышит аплодисменты и крики девушек: — «Браво! Браво!»

Видно, благородный Бертран это тоже слышал и, рассвирепев, он закричал:

— Дерись со мной, мерзкая уродливая тварь!

— Что-о-о?! — в ответ завизжал дракон. —

Это кто тут мерзкая и уродливая тварь?!

И когда рыцарь в очередной раз проскочил мимо дракона, тот хлестнул рыцаря хвостом по затылку. Рыцарь вылетел из седла и, перелетев

через своего коня, упал перед его копытами. Обученный рыцарский конь сразу остановился. А дракон повернулся к кустам и сказал:

— Эй, ты, там, зачем сидишь?

И дохнул пламенем на кусты, листья с кустов облетели, открыв упитанную фигуру оруженосца, а дракон опять грозно спросил:

— Ну, зачем ты туда забрался, да еще с дубиной?

— Добивать, — дрожащим голосом ответил Хосе.

Дракон кивнул и одобрительно сказал:

— Это правильно, чтоб не мучился! — И, указав когтем своей лапы на рыцаря, приказал: — Ну, чего сидишь? Иди добивай!

Нервы Хосе не выдержали и он рухнул в обморок. Когда же Хосе пришел в себя, он увидел, что над поверженным рыцарем хлопочут три девушки. Вернее, две девушки в платьях и одна девочка, совсем без платья. Девочка громко оправдывалась, тыча в рыцаря пальцем:

— Он же первый начал! Сначала дудел, спать не давал, а потом и вовсе обзывать начал! Сам виноват! Рыцарь безрогий!

Одна из девушек что-то сказала, и двое из них, ухватив за руки, а девочка за ноги, утащили рыцаря в драконью пещеру. Хосе некоторое время еще посидел в кустах, но только он решил выйти,

как из пещеры вышел дракон и стремительно унесся в небо. Хосе решил, что раз дракона в пещере нет, то можно туда сходить и узнать, что с его господином. И верный оруженосец тихонько, по стеночке, стал подкрадываться к пещере. Зайдя в полумрак под ее своды, он осторожно начал пробираться между кучами костей в глубь, удивляясь такой прожорливости совсем не большого дракона. Когда впереди показался проход, как Хосе понял, в другую пещеру, сзади раздался хрипловатый голос, очень похожий на голос дракона:

— Ну, чего стал на дороге? На, неси!

Подпрыгнувший с перепугу Хосе развернулся и увидел девочку, протягивающую ему тушу горного козла, причем держала она эту немаленькую тушку одной вытянутой рукой. Девочка, потерявшая терпение, громко прикрикнула:

— Ну, кому сказала! Взял и понес!

Оруженосец безропотно взял тушу и под конвоем девочки пошел вперед. Следующая пещера никак не могла быть жилищем дракона, скорее человека. Камин у стены, подобие мебели. У камина сидел рыцарь Бертран, уже освобожденный от доспехов. Возле него хлопотали две девушки.

— А я вот козла поймала! — гордо заявила девочка, показывая на Хосе. Девушки прыснули

смешинками, рыцарь с перебинтованной головой нахмурился, а девочка спросила у оруженосца: — Ты мясо готовить умеешь?

Хосе закивал головой, девочка, указав на большой камень у камина, служивший столом, скомандовала:

— Тогда вперед! Тушку разделать, мясо приготовить! Внутренности и шкуру сложишь туда. — Она показала на выемку в скале, сама же плюхнулась в небольшое озерко, обдав всех холодными брызгами. — Уф, хорошо!

— Листик, ты бы поосторожнее, а то вот видишь, сэръ рыцарь ранен! — сказала одна из девушек, на которой было платье из очень дорогой ткани, правда, с большой заплаткой на спине.

— Шишка на голове — это не рана! И вообще, шишки рыцарей только украшают! Это же не рога, — ответила девочка и нырнула под воду. Девушки захихикали. Рыцарь не знал, то ли ему рассердиться, то ли присоединиться к девушкам — все-таки они его спасли от дракона, и теперь он у них в гостях. А тут еще вынырнувшая девочка заявила:

— И вообще он первый начал! Значит, сам виноват! И вообще это мне приз полагается!

Рыцарь не понял, за что полагается приз этой рыжей девочке. Но на всякий случай решил представиться:

— Бертран де Виллио, странствующий рыцарь-драконоборец, а это мой верный оруженосец Хосе Ируво! — Рыцарь показал на потрошащего тушу козла Хосе.

— Ирэн, ученица лекарки, — представилась девушка, одетая в простое платье.

— Листикалинаруиона, баронесса Дрэгис, — представилась, вынырнув из воды, рыжая девочка и снова нырнула.

— Милисента, принцесса Зелийская, — представилась третья девушка.

— О-о-о! Принцесса... — начал было рыцарь, но его перебила снова вынырнувшая баронесса:

— Драконоборец? И скольких же ты драконов поборол?

Рыцарь стусевался, но, видно, решив, что врать благородному рыцарю ни престало, сказал правду:

— К моему великому сожалению — ни одного, здешний дракон — первый.

— Ты что? Ты разве его победил? — возмутилась баронесса, вылезая из воды.

— Нет, это он меня... Если бы не вы, прекрасные леди, я бы пал жертвой мерзкого...

— Что-о-о?! — громко возмутилась баронесса. — Это кто мерзкий? На себя посмотри! Железную панамку напялил и туда же... Дудят тут по утрам всякие, спать не дают!

Рыцарь вытаращил глаза, не понимая, чем вызвана такая ярость маленькой баронессы, которая вылезла из воды и, совсем не стесняясь своей наготы, решительно направилась к рыцарю. Девушки, заступив ей дорогу, начали успокаивать ее:

— Ну, Листик, Листик! Не сердись на него. Он уже всё осознал и больше не будет!

Рыцарь не понял, что он осознал, и чего делать ему категорически не рекомендуется, но, прижав руки к груди, начал горячо заверять маленькую рассерженную баронессу, что он всё осознал и никогда так делать не будет. Та немного успокоилась, но всё равно продолжала сердито смотреть на рыцаря. Хосе закончил кулинарные приготовления, вопросительно посмотрел на девушек. Камин был пуст и чист.

— Давай, Листик, ты, — сказала ученица лекарки, — а-то у Милисенты еще плохо получается — она всё сожжёт!

Баронесса показала Хосе, чтобы тот уложил мясо на решетку, после чего вытянула руки. С ее рук сорвалось пламя и равномерно, и быстро стало прожаривать мясо. Принцесса тоже вытянула руки к выемке в скале, куда Хосе сложил отходы. Там только полыхнуло, и всё моментально сгорело, не оставив следов.

— Вот, я же говорю, Милисента, у тебя еще не

получается дозировать, ты бьешь со всего маху! — покачала головой ученица лекарки. Огонь, который испускала баронесса, быстро прожарил мясо. В корзине ученицы лекарки нашлись лепешки и овощи, а когда благородный рыцарь посетовал, что ему нечем угостить дам, так как у него нет вина, Ирэн достала из своей бездонной корзины бутылочку вишневой наливки. Выпили за знакомство, за прекрасных дам, за благородных рыцарей. Листик не наливали, мотивировав это тем, что она еще маленькая, и если выпьет, то драться начнет. А если драться начнет, то ее никто не сможет утихомирить. Листик начала было дуться, но тут оруженосец Хосе, к удивлению своего господина, предложил тост за прекрасных и благородных драконов. Маленькая баронесса, к удивлению рыцаря, сразу же пришла в хорошее расположение духа и предложила спеть ее любимую песню про кузнечика. Дамы с энтузиазмом поддержали это предложение, и припев последнего куплета рыцарь и оруженосец тоже подпевали. Потом рыцарь сказал, что он тоже знает много песен и баллад, все тут же стали его просить спеть, а Листик побежала на полянку за гитарой рыцаря. Принесла она не только гитару, а все довольно тяжелые перемётные сумки рыцаря, чем сильно его удивила. Все-таки сумки были тяжелые, а Листик маленькая.

Рыцарь, настроив гитару, запел балладу о прекрасной принцессе, похищенной драконом, о благородном рыцаре, поехавшем эту принцессу спасать. О страшной битве, в которой рыцарь победил и убил дракона, но сам потом скончался от ран с именем любимой на устах. У сэра Бертрана был красивый и сочный баритон и пел он очень хорошо. Только вот баллада была очень длинной, такой длинной, что дамы заскучили, а верный оруженосец даже вздремнул. Одна юная баронесса внимательно слушала, подперев щеку рукой, а в конце даже всхлипывать начала. Ободренный таким восторженным слушателем, сэр Бертран пел так, как он никогда не пел, а когда закончил, Листик расплакалась.

— О, прекрасная дама, вы плачете? Вас так поразила судьба отважного рыцаря? — спросил Бертран.

— Дракончика жалко, — всхлипывая, ответила баронесса. — Отравился бедный!

— Почему отравился? — удивился сэр Бертран. — Его же поразил копьем рыцарь!

— Так поразил его он же в шестьдесят пятом куплете, а бедный дракончик потом его кусал с семьдесят второго по восемьдесят девятый куплет! Вот укусил рыцаря и...

— Судя по количеству куплетов, дракон не просто покусал рыцаря, а долго и со вкусом

жевал! — захихикала принцесса.

— Я же и говорю, — снова всхлипнула Листик, — отравился! Видно, рыцарь ядовитый был. Бедный дракончик, ему попался не только рогатый, а еще и ядовитый рыцарь!

— Почему рогатый? — спросил сэр Бертран.

— Ну, у него же рог был? Он же дудел перед драконом?

— Да, настоящий рыцарь всегда вызывает противника на бой звуками своего рога!

— Вот, видишь, сэр Бертран, этот рыцарь дудел из своего рога! Значит, рогатый!

— Какой кошмар! — воскликнула Ирэн, — Мало того что рогатый, так еще и ядовитый. Сэр Бертран, вы никому не рассказывайте об этом методе охоты на драконов!

— О каком? — спросил ошарашенный рыцарь, он никак не поспевал за рассуждениями своих собеседниц.

— Ну, как же, рыцарь перед тем, как вызывать дракона на смертный бой, натирается ядом. И если дракон его съедает, то сразу и умирает. Вот доблестный рыцарь и выходит победителем!

— Съеденный? — переспросил сэр Бертран, ему трудно было вот так сразу представить съеденного рыцаря победителя.

— Лучше перед боем принять яда внутрь, — посоветовала принцесса. — И побольше, для

надежности. А то, может, маленькая доза на дракона не подействует!

Листик снова надулась, она обиделась на подруг, что те советуют рыцарю, как охотиться на драконов. Милисента обняла ее и прижала к себе, а Ирэн посоветовала рыцарю:

— Вы, сэр Бертран, бросайте это неблагодарное дело — охоту на драконов. Лучше займитесь исполнением песен и героических баллад, у вас это здорово получается. Вон Листика до слёз довели.

— Я эту балладу сам сочинил! — гордо сообщил рыцарь.

— Вот видите, сэр Бертран, у вас талант! И негоже свой истинный талант губить в охоте на драконов! — поддержала свою подругу принцесса.

— Гм, — произнес проснувшийся Хосе. Ему не понравилось такое понижение в статусе его господина, ведь одно дело быть оруженосцем странствующего рыцаря-драконоборца, совсем другое — слугой тоже странствующего, но менестреля, хотя, в принципе, это одно и то же.

Ирэн правильно поняла тяжелый вздох Хосе и предложила ему:

— Хосе, а ты будешь вторым номером подыгрывать. Ты же умеешь играть на каком-нибудь музыкальном инструменте?

— Только на барабане, я был полковым

барабанщиком.

— Вот, на барабанах и будешь играть, только сделаешь его длиннее обычного и назовешь «там-там». Будешь экзотическим там-тамщиком. Успех вам обеспечен!

Хосе облизнулся: если успех, то и сытная кормежка, а-то оруженосцы странствующих рыцарей, как правило, спать ложатся голодными, да и завтракают не всегда.

Но всё хорошее когда-нибудь кончается, и поднявшаяся из-за стола Ирэн сообщила, что пора собираться. Ни рыцарь, ни его оруженосец не поняли куда, но принцесса в заштопанном платье тоже заторопилась, она сказала, что осталось всего три дня, правда, не уточнила до чего. Баронесса Листик сказала, что всегда готова, и довезет Милисенту к ужину. Ученица лекарки предложила рыцарю Бертрану и его верному оруженосцу проводить их через лес до тракта самым коротким путем. Рыцарь Бертран был воспитанным человеком, он намек понял и стал прощаться. Потом вместе с Хосе пошел к выходу, за ними направилась Ирэн, подхватив свою безразмерную корзину. Пещера с костями произвела на рыцаря очень большое впечатление. Он понял, какой опасности он подвергся, пытаясь сразиться с этим страшным драконом. Ведь съесть такое количество живности может только очень могучий дракон, и

рыцарь заторопился покинуть эту пещеру, не желая пополнить своими костями эту коллекцию. А-то вдруг дракон вернется? И вернется голодный? И может, тут живет не один дракон?

Выйдя из пещеры, рыцарь и оруженосец начали быстро седлать один своего боевого коня, а другой — не менее боевого ослика, которые до этого мирно паслись на поляне, их ничуть не смущала страшная пещера с костями. Уже оседлав коня, рыцарь не выдержал и спросил ученицу лекарки:

— А вы не знаете, почему баронесса ходит... эээ... обнаженной?

— Ей так удобней, — ответила девушка.

И тут из пещеры появился дракон! Тот самый дракон! У рыцаря волосы встали дыбом, ведь дракон всё это время скрывался в пещере и мог напасть в любой момент! Дракон подмигнул рыцарю, потом лег на землю. Из пещеры вышла принцесса и взобралась на дракона. Устроившись в том месте, где шея переходит в туловище, она обернулась и помахала рукой. Ирэн помахала в ответ. Дракон из положения лёжа буквально ввинтился в небо, настолько это было стремительное движение. Рыцарь выдохнул и вытер со лба пот.

— Сэр Бертран, все-таки прислушайтесь к моему совету — смените вид деятельности, петь и

играть на гитаре у вас очень хорошо получается! — улыбаясь, сказала ученица лекарки.

Глава третья. В государстве, где всё тихо и...

Король Саеш третий сидел, нет, не на троне в тронном зале, а за столом. Стол был не круглый, а обычный, прямоугольный, такой большой стол для совещаний. Стоял этот стол в зале малого совета. И за этим большим столом, кроме короля, сидели: герцог Грег, он же канцлер королевства Зелия, герцог Марикант, он же главнокомандующий всеми войсками и по совместительству военный министр, граф Клари — начальник тайной стражи, или, если сказать более точно, разведки и контрразведки, мэтр Фиранто — королевский маг.

— Ну что скажете, господа, — нарушил молчание король.

— Подняты все агенты, и никаких следов. Будто этот дракон, унесший принцессу, просто испарился, — развел руками начальник стражи.

— Армия тут тоже бессильна, — покачал головой военный министр. — Чтобы предпринять какие-то действия, надо знать хотя бы место, где их предпринимать.

— Три дня! Осталось три дня, или я предъявлю наследницу, или лорды устроят мятеж!

Ведь герцог Наразак именно этого добивался, напав на конвой принцессы. Вирит, вы выяснили, как герцог узнал о конвое?

— Да, мой король, — ответил граф Клари. Благодаря капитану Кунгнему выяснили, он прихватил уцелевших из нападавших людей Наразака, среди них оказался и его младший сын. И сыночек «запел», выдав всех участников назревающего мятежа и их планы. Так что можем их брать.

— Вирит, это можно будет сделать только тогда, когда будет объявлен наследник или наследница! Вы же знаете этот дурацкий закон о наследниках! Он и на королей распространяется!

— Боюсь вас огорчить, ваше величество, но даже если принцессу доставят сюда, то она умрет через месяц, может, через полтора, — покачал головой королевский маг.

— Магистр Фиранто, вы выяснили, что это за болезнь?

— Да, ваше величество, только это не болезнь, это проклятие.

Король побледнел и выдохнул:

— Кто?! Кто это мог сделать? Найти и его, и заказчика!

— Время, ваше величество, время! А у нас его нет, — грустно сказал начальник тайной стражи.

— Вирит, но хоть какая-то зацепка? Может,

маленькая деталь, ускользнувшая от других? Ты же прекрасный аналитик!

Начальник тайной стражи открыл папку, достал два листка бумаги и подал королю:

— Вот гляньте, ваше величество. На первом — рисунок дракона, сделанный со слов гвардейцев, а вот второй — это эскиз нового герба, присланный из баронства Дрэгис.

— Дракон, на обоих рисунках дракон. Но какая связь? Насколько я помню, Дрэгис это маленькое приграничное баронство.

— Да, ваше величество, маленькое приграничное баронство, пожалованное вашим отцом генералу де Гривзу. Четыре года назад у него погиб сын, и вот накануне вступления в действие закона о наследстве он объявляет наследницей какую-то девчонку, о которой никто раньше не слыхивал. — Граф Клари, пока это говорил, взял у короля рисунки и передал их военному министру. — А вы, герцог, что на это скажете?

Тот взял рисунки и, рассматривая их, пробурчал:

— Умный ход со стороны барона, как там его... Успел-таки вовремя найти наследницу, чтобы его владение нельзя было конфисковать в пользу корны.

— Да, нашел, и через полгода умер, в чем тут его выгода? Герцог, ну что скажете?

— Граф, это очень хорошо выполненные рисунки, особенно вот этот, — герцог потряс вторым листком бумаги, — но я вам авторитетно заявляю: таких драконов не бывает! Это плод фантазии художника!

— Вот, — поднял вверх палец начальник тайной стражи, — вот! Этот плод фантазии художника и похитил принцессу! Ведь первый рисунок нарисован со слов гвардейцев, видевших дракона, унесшего принцессу. Значит, этот дракон существует реально, и существует ни где-нибудь, а именно в приграничье, в баронстве Дрэгис! Потому как рисовавший эскиз герба почти воспроизвел первый рисунок, и сделал это до того, как дракон похитил принцессу!

— Герцог Марикант, пошлите капитана Кунгнема с отрядом в баронство Дрэгис, пусть он там всё перероет и найдет принцессу или этого дракона...

Дверь резко распахнулась, и в зал малого совета буквально ввалился мажордом дворца:

— Ва... Ва... Ва... Ваше велич... Драко...

— Патрик! Доложите, как подобает! Вам подобная суетливость не к лицу!

Мажордом поклонился и вышел. Через несколько секунд он медленно растворил двери, ударил своим жезлом об пол и торжественно провозгласил:

— Дракон! Ваше величество!

Последовала немая сцена, после чего военный министр вскочил и закричал:

— Что за глупые шутки!

Большое, от пола до потолка, окно распахнулось, и в него до половины влез дракон. Точь-в-точь как дракон, нарисованный на эскизе нового герба баронства Дрэгис. Дракон кокетливо похлопал большими ресницами и произнес простуженным голосом:

— Что, не ждали? А мы уже тут!

— Папа! — воскликнула принцесса, скатываясь в зал со спины дракона. — Папа!

— Ладно, не буду мешать, зайду попозже, — важно произнес дракон и исчез из окна. Подбежавшие к окну и выглянувшие в него военный министр и начальник тайной стражи увидели высоко в небе быстро удаляющийся крылатый силуэт.

— Доченька... — только и вымолвил король, обнимающий принцессу.

Инсольда, старшая фрейлина, вошла в спальню принцессы. Конечно, жаль было будить девочку так рано, она столько пережила, но этикет есть этикет, тем более что на сегодня было запланировано много дел. На широкой кровати под балдахинном было набросано много подушек и

одеял. Как-то странно принцесса спит, отметила Инсольда, спит, собрав в кучу все подушки и укрывшись одеялами с головой. Покачав головой, старшая фрейлина громко произнесла:

— Ваше высочество! Принцесса Милисента! Пора вставать!

Некоторое время ничего не происходило, и Инсольда собралась снова позвать принцессу, как куча подушек и одеял зашевелилась, и из-под них высунулась... голова дракона! Высунулась и зарычала! Громко завизжав, старшая фрейлина бросилась вон из спальни. Она уже не видела, как из-под одеяла высунулась голова принцессы и строго сказала:

— Листик! Ну зачем ты пугаешь почтенную женщину!

— Я же не знала, что она такая пугливая! Я просто пошутила, — ответила рыжая голова, высунувшаяся на другом конце кровати из-под кучи подушек и одеял.

Король Саеш третий подошел к спальне своей дочери. У двери скопилось много народу, фрейлины, которые боялись зайти в спальню, потому что там дракон! Гвардейцы, которые дракона не боялись, но тоже не решались зайти в спальню принцессы без разрешения.

— Там дракон! Страшный дракон! Бедная

принцесса, столько пережить, и вот теперь... — Что теперь, причитающая старшая фрейлина не решилась сказать. Король прошел сквозь расступившуюся толпу и постучал в дверь, удивляясь, почему столь простое действие — постучать, не пришло в голову никому из присутствующих.

— Да? Войдите! — раздался из-за двери голос принцессы. Король вошел. Принцесса в ночной рубашке сидела на пуфике у зеркала и расчесывала свои роскошные пшеничные волосы. Обернувшись, она встала и поклонилась королю:

— Доброе утро, ваше величество. — Потом, строго посмотрев на толпу народа, теснившегося в дверях, капризно сказала: — Я уже проснулась! Почему никто не идет меня умывать, причесывать и одевать!

Фрейлины, застывшие в дверях, пристыжено молчали, а из глубокого кресла, стоявшего в глубине комнаты, раздался громкий хи-хик. Король перевел взгляд на кресло. Там сидела совсем голенькая рыжая девочка и ела яблоко.

— Позвольте, ваше величество, представить вам мою подругу баронессу Дрэгис, Листиканилу.

— Здрасьте! — ответила девочка, оторвавшись от яблока.

— Листик, позволь представить тебе моего отца, короля Саеша третьего, — официально

продолжила принцесса. На что девочка, с интересом рассматривая короля, еще раз сказала:

— Здрасьте!

— Очень приятно познакомиться, баронесса, — ответил король, тоже внимательно рассматривая девочку в кресле. — А почему вы, баронесса, в таком виде?

— Листик только вчера прибыла, она путешествует налегке.

— Совсем налегке, без полагающегося ей по статусу гардероба? — ехидно спросил король.

— Ага! — подала голос девочка. — Это что же получается, мне это всё на себе тащить надо? Гардероб с кучей одежды?

Принцесса захихикала, она представила себе летящего дракона с платяным шкафом в лапах. Король, не понявший, почему баронесса должна сама тащить свой гардероб, спросил:

— Баронесса! А слуги? У вас разве нет слуг...

— Так это что? Я еще и слуг должна тащить? — возмутилась баронесса. Король перевел взгляд на дочь, он никак не мог понять, как эта девочка может тащить своих слуг. Конечно, эти жители приграничья отличаются некоторой экстравагантностью, но не до такой же степени, чтоб лично таскать своих слуг.

— Ваше величество, я вам потом объясню! — вмешалась принцесса. Повернувшись к старшей

фрейлине, она произнесла:

— Инсольда! Я попрошу вас позаботиться о подобающем гардеробе для Листика.

Старшая фрейлина ничего не поняла, но поклонилась:

— Будет исполнено, ваше высочество!

Следующие слова принцессы вообще повергли старшую фрейлину в шок:

— Инсольда, я прошу вас извинить Листика за утреннюю шутку, она так больше не будет! — Принцесса строго посмотрела на девочку, сидящую с ногами в кресле.

Та улыбнулась и закивала головой:

— Ага! Больше так не буду!

И снова захрустела яблоком.

За столом сидели трое мужчин. Их одежда свидетельствовала об их высоком положении в обществе. Один барабанил пальцами по столешнице стола, два других с почтением его слушали. Закончив свои музыкальные упражнения, он сказал:

— И что теперь? Завтра король объявит принцессу Милисенту своей наследницей. А это значит, что все условия договора о наследовании будут соблюдены! И тогда рухнет вся наша затея, рухнет!

— Принцессу можно убить в любой

момент, — подал голос другой.

— Если принцесса будет убита после церемонии провозглашения наследника, у короля все равно появляется еще пять лет! До следующей церемонии, а за это время он может снова обзавестись наследником, и не одним. Закон и традиции будут соблюдены! Вы же знаете, что наших тупоголовых лордов можно поднять в оппозицию, только обвинив короля в нарушении закона о наследовании! Вы что мне обещали, мэтр? — обратился мужчина к одному из присутствующих, облаченному в мантию, что говорило о его высоком статусе в магической иерархии. — Вы обещали, что принцесса умрет в течение двух месяцев! Не доживет до церемонии!

— Мне и самому интересно, как такое могло произойти? Этот вопрос требует глубокого изучения.

— Сейчас не время для ваших теоретических изысканий!

Мужчина в мантии развел руками:

— Новое наложение проклятия требует времени на подготовку. И теперь я не знаю, будет ли оно действенным, ведь принцесса каким-то образом сумела преодолеть предыдущее. А оно было непреодолимым, по крайней мере, до сих пор.

— Понятно, вы бессильны...

— Ну почему же? Но в те сроки, что вы...

— Мне надо завтра! А лучше сегодня! Так, чтоб до церемонии! Зарисс, — главный обратился ко второму мужчине, — вы меня слышали? Если сможете — то сегодня! В крайнем случае — завтра! До церемонии!

— Я понял, ваша милость! Я тотчас же свяжусь с ночной гильдией и потребую, чтоб на решение нашего вопроса они бросили все силы. Но это будет стоить...

— Дайте им столько, сколько они запросят! Если вам не хватит тех денег, что у вас уже есть, обратитесь к моему казначею! Я отдам соответствующее распоряжение!

— Понял, ваша милость! Тогда разрешите мне откланяться. — Поднявшись из-за стола, второй мужчина вышел из помещения. А тот, кого называли — ваша милость, обратился к магу:

— А вы, мэтр, подготовьте и свой вариант. Уж вы постарайтесь подготовить всё необходимое поскорее.

По дворцовому парку шла принцесса Милисента. Ее сопровождал распорядитель церемоний, который, несмотря на довольно быстрый шаг, монотонным голосом повторял инструкции к предстоящему ритуальному действию. Впереди шли два королевских гвардейца, еще два гвардейца шли сзади — это была охрана. Принцесса

удивилась таким строгим мерам безопасности — что ей может угрожать во внутреннем королевском парке, через который надо пройти к тоже внутреннему храму королевского дворца-замка, где и должна проходить церемония. Удивилась, но возражать не стала. За королевой шла старшая фрейлина, рядом с ней должна была идти Листик, но та то забегала вперед к принцессе, то отставала, составляя пару с фрейлиной. Эта чопорная женщина не делала замечаний расшалившейся девочке. Листик у нее сразу вызвала симпатию, и Инсольда лично подобрала для девочки одежду — нарядный сарафанчик, с подолом на ладонь выше колен. Под сарафаном у Листика были кружевные панталончики, чуть короче сарафана. Они страшно нравились девочке, и она время от времени подпрыгивала, чтобы на них полюбоваться.

Гвардейцы тоже не обращали на девочку внимания, она им не мешала, потому как бегала внутри их строя. А вот распорядитель церемоний морщился, когда Листик забегала вперед, она нарушала монотонность его вещания. Вот и сейчас забежавшая вперед девочка снова подпрыгнула! Он открыл рот, чтобы сделать ей замечание, но захрипел и стал заваливаться на фрейлину. Из его горла торчала короткая оперенная стрела. Также начали падать и два впереди идущих гвардейца. Листик приземлилась после своего очередного

подпрыгивания, в руках она держала две такие же стрелы, как и те, что поразили распорядителя церемоний и гвардейцев. Эти две стрелы предназначались принцессе. Загородившие дорогу пятеро в серых закрытых комбинезонах бросили арбалеты и присели в низкую стойку, доставая длинные ножи. За их спинами стояли еще пятеро таких же с небольшими арбалетами. Щелкнули курки, и сорвавшиеся пять стрел сгорели в воздухе. Фигуры, застывшие в низкой стойке, так и не распрямились, их и тех, что за ними стояли, накрыло ревущее пламя. А Листик, оказавшаяся за спиной замыкающих гвардейцев, стегнула огненными плетями по кустам. Потом протянула пойманные ею семь стрел гвардейцу:

— На, две это тех, что впереди были, а эти пять вон тех сзади, что в кустах валяются. Только осторожно, они ядом смазаны!

Гвардеец машинально взял стрелки и аккуратно спрятал их в сумку. Он видел нападавших, но понимал, что ничего не успеет сделать. Слишком быстро те действовали. Теперь он с изумлением смотрел на эту девочку и принцессу, они без посторонней помощи справились с тремя пятерками убийц из ночной гильдии. Наверное, с самыми лучшими пятерками, потому что убивать принцессу пошлют самых лучших.

— Ну, всё в порядке, всё уже хорошо! — успокаивала Листик старшую фрейлину, до которой еще даже не дошло, что только что ее должны были убить. — Ну, Инсольда, всё хорошо, идем дальше. — И Листик аккуратно положила на траву распорядителя церемоний, которого успела подхватить, не дав тому упасть на старшую фрейлину.

— Вот так это всё и произошло, гвардейцы ничего не успели сделать, — закончил свой рассказ о прошедших событиях начальник тайной стражи.

— И вы, граф, хотите сказать, что принцесса и ее маленькая подружка справились с тремя пятерками ночных убийц? — скептически хмыкнул герцог Грег.

— Да, герцог, именно это я и хочу сказать. Причем, если те пятеро, что нападали сзади, просто разрублены напополам, разрублены, судя по следам, чем-то вроде огненного меча, то те десять, что напали спереди, сожжены начисто!

— Вы хотите сказать, что девочки применили магию огня? — спросил мужчина в мантии.

— Да, Ансельм, именно магию огня! Причем сила удара была таковой, что от стоявших ближе к принцессе остались только кучки пепла! — сказал второй мужчина в мантии.

— Друг мой, Фиранто, в это трудно поверить.

Я бы сам хотел посмотреть на этих детей.

— Вот поэтому я вас и пригласил сюда, господа. — Король обвел руками королевский сад и улыбнулся. — Именно сюда, потому что вы наверняка захотите убедиться в способностях девочек, а я, знаете ли, хочу, чтобы мой дворец остался целым. А вот и они!

Король указал на принцессу и ее подругу, которые появились на аллейке парка в сопровождении старшей фрейлины и четырех гвардейцев.

— Здравствуйте, ваше величество, здравствуйте, господа, — поздоровалась наследница зелийского престола. Гвардейцы отдали честь, фрейлина поклонилась. Рыжая девочка в сарафанчике внимательно всех оглядела и тоже поздоровалась:

— Здрасьте!

Король взмахом руки отпустил фрейлину и гвардейцев охраны, после чего кивнул девушкам и попросил:

— Ваше высочество и госпожа баронесса, не могли бы вы нам продемонстрировать, как вам удалось отбиться от напавших на вас вчера?

Девочка улыбнулась:

— Запросто! Куда ударить?

Ансельм Канвио, ректор академии Магических Искусств, благожелательно кивнул и

наобум ткнул пальцем куда-то в сторону, а там как раз стояла садовая беседка, частично сделанная из камня и дерева. Девочка сказала, обращаясь к заметно волнующейся принцессе:

— Давай, Милисента, ты первая!

Принцесса слегка напряглась и махнула рукой в сторону беседки, там вспухло огненное облако, и раздался грохот взрыва. Когда пыль рассеялась, на том месте только дымилась воронка. Девочка критически оглядела сделанные принцессой разрушения, одобрительно кивнула:

— Можно и так, а можно и так.

Она не подымала рук и не махала ими, но по второй беседке, стоящей рядом с тем местом, где только что была первая, будто ударили множеством огненных лезвий, превращая все конструкции этой беседки в щепки. Через мгновение на месте симпатичного павильончика была куча мелких обломков.

— Да-а-а, — протянул граф Клари, — впечатляет!

Ободренная похвалой девочка обернулась к третьей беседке, стоящей за спиной присутствующих, и деловито спросила:

— Эту тоже?

— Нет, нет, — замахал руками король, — не надо, там приготовлен легкий перекус!

— А что там? — спросила девочка.

— Напитки, сладости, — улыбнулся король.

— А там тоже было? — расстроенно спросила девочка и показала в сторону уничтоженных павильончиков. — И всё пропало?

— Нет, к счастью, те беседки были пустые.

— Это хорошо, — удовлетворенно кивнула девочка.

— Листик! Нельзя же быть такой жадной! Ты и так съела почти все пирожные за завтраком! — хихикнула принцесса.

— Почему жадной? — удивилась Листик. — Это у меня жутко растущий организм, и ему требуется жутко много пищи!

— Жутко много пирожных! — Засмеялась принцесса. Остальные тоже заулыбались, они немного отошли от демонстрации открывшихся способностей девочек. Все потянулись к беседке с угощением. Только два мага отстали.

— Теперь вы понимаете мое беспокойство, друг мой, — сказал придворный маг ректору академии, — вы обратили внимание на их ауру во время демонстрации и сразу после нее?

— Да, друг мой. Абсолютно никаких изменений! Ведь любому магу после такого расхода энергии требуется время, чтобы восстановиться! А тут... Просто феноменально!

— Вот и я так думаю. Их надо обучать. И прежде всего, самоконтролю! Думаю, что надо

определить на боевой факультет, с их-то любовью жечь всё подряд!

— Да, но на боевой факультет в этом году не было набора... — задумчиво проговорил Ансельм Канвио. — Хотя для принцессы и ее маленькой подруги можно будет сделать исключение и принять их сразу на второй курс.

— Я так тоже думаю, — поддержал его магистр Фиранто. Маги зашли в беседку, где уже за столом расселись остальные. Граф Клари сел с одной стороны баронессы, а ректор Канвио с другой стороны. Граф достал листок бумаги, развернул и показал девочке:

— Вот это я взял в геральдической канцелярии, вы хотите, юная леди, чтоб таким был новый герб вашего баронства?

— Да!

— А не подскажете ли, юная леди, кто это рисовал?

— Я, — ответила девочка, она уже успела засунуть в рот полпирожного, поэтому отвечала так односложно.

— И как вы это рисовали, сами придумали?

Девочка замотала головой, прожевав пирожное, она важно ответила:

— Я рисовала с натуры!

И тут же засунула в рот еще одно пирожное. Граф терпеливо подождал, пока девочка прожует, и

задал следующий вопрос:

— Значит, такие вот драконы водятся в вашем баронстве?

— Почему водятся? Дракон там живет, и он такой там один!

— Всего один? И вы часто с ним встречаетесь?

— Да!

— А не могли бы вы познакомить нас со столь замечательным и красивым драконом? — вмешался с другой стороны Ансельм Канвио.

— Конечно! — Девочка явно была польщена такой высокой оценкой ее знакомого дракона.

— И когда же мы будем иметь счастье увидеть такого красивого дракона? Увидеть и полюбоваться! — вкрадчиво сказал начальник тайной стражи, он сразу уловил, что похвалы в адрес ее дракона приятны девочке.

— Да хоть сейчас! — вскинулась девочка, но потом посмотрела на свой сарафанчик и грустно сказала: — Нет, сейчас нельзя, сарафанчик порвется.

Ректор и граф задумались, пытаясь понять глубокую связь между немедленной демонстрацией дракона и порчей сарафана девочки. Граф вопросительно посмотрел на ректора магической академии, тот пожал плечами и сделал жест, долженствующий означать, что логика ребенка не

всегда поддается пониманию взрослых. Граф тоже пожал плечами, тем более что к нему обратился король.

— Вирит, вот тут магистр Фиранто советует послать принцессу и нашу гостью баронессу Дрэгис на обучение в академию Магических Искусств. А ты что посоветуешь?

— Почему бы и нет? — ответил, мгновение подумав, граф. — Принцессу все равно придется куда-то прятать. А прятать лучше всего на самом видном месте. О проснувшихся магических способностях принцессы никто не знает, кроме здесь присутствующих. А мы будем молчать. Только я бы рекомендовал принцессе сменить имя и титул. Ну, может, имя не надо, а вот титул... — Граф посмотрел на уплетающую пирожные девочку и продолжил: — К примеру, назваться баронессой из приграничья, второй или третьей дочерью какого-нибудь барона. Этого мало для вхождения в высший свет, а вот для обучения в академии Магических Искусств — в самый раз!

Граф замолчал, ему в голову пришла какая-то мысль. Он повернулся к рыжей девочке:

— Баронесса, а вы хотели бы, чтоб у вас была сестра, вот она — принцесса Милисента?

— Но как же с очередностью наследования? — спросил герцог Грег.

— А с этим как раз всё нормально, —

усмехнулся граф Клари. — Согласно уложениям закона о правилах наследования, наследник объявляется владельцем манора. Вот он и объявил своей наследницей свою младшую дочь, а старшую собирался просто выдать замуж, насобирав для нее приданого. Но тут в обеих дочерях открылись магические способности, вот их и послали учиться в академию Магических Искусств. Двух сестёр Дрэгис, обе они баронессы, только одна — владельница земель, а вторая — не наследная. Принцесса, надеюсь, я вас не оскорбил своим предложением?

— Нет, ну что вы, граф. Я бы очень хотела бы, чтоб моей сестрой была Листик!

— А вы, баронесса Листик? — Граф удивился странному имени баронессы, но, видно, она не возражала, чтобы ее так называли.

— Я согласна! — Захлопала та в ладоши. Потом спросила, обращаясь ко всем присутствующим: — Можно, да?

— Можно, можно, — благодушно кивнул король, такой выход из создавшегося положения ему тоже нравился. Листик прищурилась, ее лицо стало очень серьезным, она встала и подошла к Милисенте. Та тоже поднялась, и они обе отошли от стола. Листик подняла руку вверх и произнесла:

— Я, Листикалиналиона, Золотой Дракон, признаю тебя, Милисенту...

— ...Тэрриэлл, — подсказала та, и Листик продолжила:

— ...Милисенту Тэрриэлл своей кровной сестрой!

Принцесса точно так же подняла левую руку и тоже торжественно произнесла:

— Я, Милисента Тэрриэлл, признаю тебя, Листикалиариону, Золотого Дракона, своей кровной сестрой!

Пораженные торжественностью, которая прямо-таки исходила от девочек, люди молчали, происходящее удивило их. Листик подняла свою правую руку, ее перламутровые ногти превратились во внушительные когти, и она полоснула ими принцессу по руке. Король было дернулся вперед, но принцесса тоже подняла свою правую руку, у нее тоже были когти! Пусть не такие большие, как у Листика, но это были именно КОГТИ! Она тоже провела ими по руке девочке. Кровь Листика, в отличие от крови принцессы, превращалась в пламя. Девушка и девочка соединили свои окровавленные руки, и их кровь смешалась. Смешиваясь, кровь превратилась в желтый вихрь, который окутал обнявшиеся фигурки.

— Сёстры! — разом сказали девушки, и золотой вихрь скрыл их от глаз людей.

Вихрь со стеклянным звоном исчез, в углу

беседки стояли две обнявшиеся фигурки. На людей смотрела пара синих глаз принцессы и пара зеленых глаз девочки. Присутствующим показалось, что у этих глаз были вертикальные зрачки! Нет, только показалось.

— Что это было? — хрипло спросил король.

— Древний обряд кровного побратимства, — не менее хрипло ответил придворный маг. — Я думал, что такое невозможно! Теперь у принцессы есть сестра — сестра больше чем кровная! А у вас, ваше величество, появилась еще одна дочь.

Глава четвёртая. Академия. Первые шаги — комом

Декан боевого факультета академии Магических Искусств магистр Клейнмор пребывал в прескверном настроении. Он только что вернулся от ректора академии господина Канвио, который сообщил магистру, что к нему на факультет, на второй курс приняты еще две студентки. Дурное настроение выражалось только в шипящих нотках его речи, которую он произносил перед своим другом мастером Харалеком.

— Господин ректор официально известил меня, да-да, Виго, именно официально известил, что к нам на второй курс он добавляет двух студенток, — магистр Клейнмор слово «студенток»

произнес так, как обычно произносят — ядовитые змеи. Мастер Харалек поднял брови, только этим выразив свое изумление, потом опустил их:

— Игви, это не первый случай, десять лет назад наш факультет закончила леди Саманта.

— Леди Саманта — воительница! Воительница по призванию, по духу! И вполне закономерно, что у нее обнаружился дар боевого мага! А тут, Виго, две молоденькие девчушки, Милисента и Листиканила Дрэгис, ты когда-нибудь, что-нибудь о них слышал?

Мастер Харалек пожал плечами, а магистр Клейнмор продолжил:

— Я вот тоже — нет!

Мастер Харалек опять флегматично пожал плечами, он не был магом, он был мастером меча, одним из лучших. А такой предмет как фехтование воспитывает хладнокровие и выдержку, к тому же Харалек был норвеем, а эта нация сама по себе отличается невозмутимостью. Поэтому он предложил магистру:

— Вот когда они появятся, тогда и посмотрим. Ведь их сразу можно поставить на первое испытание. Вот и увидим, чего они стоят.

— Хочешь их на первое испытание? Это же нарушение правил, без вводных лекций, сразу — на первое испытание!

— А на второй курс, без вступительных

тестов — это не нарушение правил? Может, на нашего ректора надавили, вот он и подсунул этих девиц именно тебе, на боевой факультет. С тем чтоб они сами отказались.

— Надавили? Кто может надавить на мэтра Канвио? — сам себя спросил магистр и сам же ответил: — Король может, кто из герцогов тоже может... А ведь может быть и так: ректор Канвио, вероятно, что-то кому-то пообещал и теперь ему неудобно отказывать. А если эти студентки сами откажутся, то вроде как ректор и не при чем.

— Вот видишь, Игви, всё не так и страшно.

— Ну что ж, пойдём глянем, господин ректор обещал, что эти девицы придут сегодня, к первому занятию.

Когда магистр Клейнмор и мастер Харалек вошли в главную аудиторию боевого факультета, там уже стоял строй замерших студентов. Боевой факультет это было, по сути, военизированное отделение академии Магических Искусств. Боевой маг — это не только магическая специализация, но и военная должность, а военный или армейский — это, прежде всего, дисциплина. Вот и прививали студентам этого факультета вроде бы как сугубо гражданской академии армейскую дисциплину всеми доступными методами.

Преподаватели осмотрели замерший строй, в конце стояли две новых студентки.

— О боги! — одними губами произнес мастер Харалек. Магистр Клейнмор внутренне усмехнулся, но на его лице не дрогнул ни один мускул — эх пробрало всегда невозмутимого мастера при виде новых студенток, вернее, студентки. Если первая девушка, лет шестнадцати, была одета в элегантный брючный охотничий костюм — дорогой, но очень простой, что говорило о вкусе и богатстве его обладательницы, то вторая... Она была даже не девушкой — девочкой. Девочкой, только вступившей в подростковый возраст! Рыжие вихры, торчащие во все стороны, курносый нос, веснушки на нем и на щеках, улыбка до ушей. А сарафан! Зеленый, в красный горошек, сарафан, заканчивающийся на ладонь выше колен. А из-под сарафана виднелись кружевные панталончики! Магистр почувствовал, как сзади беззвучно застонал Харалек, Клейнмор вполне разделял его чувства — боевой маг в панталончиках! Куда катится мир!

Ничем не выдав своих чувств, магистр поздоровался со студентами, строй дружно ответил, вот только в дружном хоре студентов диссонансом прозвучало «здрасссьте» — самой младшей студентки. Магистр даже не поморщился, его лицо осталось бесстрастным, он подошел к концу строя и отрывисто спросил у новых студенток:

— Ваши имена?

— Милисента Дрэгис! — четко ответила старшая. Магистр кивнул и с трудом сдержался, чтобы не скривиться, так как вторая пропела чуть хрипловатым голосом:

— Листик!

Она бы еще «цветочком» назвалась! Боевой маг — Цветочек! Вернее, Листик! Ничем не выдавая своего раздражения, магистр спокойным, монотонным голосом произнес:

— Студентка! Что это за имя? Представьтесь полным именем!

— Листикалинаруиона, а мама называла меня Листик, и так мне больше нравится, все меня так называют — и воины дружины, и Милисента, и вы меня так называйте, потому что...

— Студентка! Когда к вам обращается кто-то из преподавательского состава, надо коротко, ясно и четко отвечать, вам понятно?

— Ага! — ясно и четко ответила студентка.

— Надо отвечать — «так точно», если ответ утвердительный, или «никак нет», если ответ отрицательный, — столь же монотонным голосом размеренно продолжил магистр Клейнмор, — вы поняли, студентка?

— Так точно!

— Что вы поняли, студентка?

— Так точно, когда «ага», и «никак нет», когда «не ага»! — отрапортовала маленькая

студентка, при этом ее улыбка стала еще шире. Магистр хотел было что-то сказать, но передумал. Зачем тратить нервы на воспитание этой девицы, или их обеих, если сейчас они с плачем откажутся от учебы на боевом факультете, а может, и с мокрыми штанишками — магистр покосился на панталончики младшей. Перекатываясь с пятки на носок, магистр прошел вдоль строя, продолжая вещать тем же тихим монотонным голосом:

— У нас, на боевом факультете академии Магических Искусств, выразили желание учиться две студентки, Милисента Дрэгис, и Цветочек Дрэгис...

— Листик! — возмущенно пискнула младшая, магистр не стал обращать внимания на столь вопиющее нарушение дисциплины, он продолжил:

— ...Листик Дрэгис. Учиться на нашем факультете — это большая честь и тяжелый труд. Только достойные из достойных достойных... — Магистр понял, что заговаривается, поэтому прервал свою вступительную речь, продолжив по существу: — Право учиться надо доказать! Для этого и существует первое испытание, и новые студентки, думаю, легко и с честью пройдут его!

Старшая студентка спокойно стояла, ожидая продолжения, а младшая стала улыбаться еще шире, тем самым еще больше нервируя магистра. Строй затаил дыхание. Студенты были поражены

коварством магистра, почему-то сразу невзлюбившего новеньких. Хотя понятно почему: сунуть двух девиц сразу на второй курс — в этом явно просматривалась большая мохнатая лапа. И, видно, магистр, он же декан боевого факультета, сразу решил показать, что на его факультете могут учиться только доказавшие это своими личными качествами. И никакие родственные связи здесь не помогут. Но, с другой стороны, в чем виновата эта маленькая девочка, влиятельные родственники которой решили сделать из неё боевого мага. И которую сейчас напугают до заикания, а возможно, и до мокрых панталончиков.

Главная аудитория боевого факультета являлась большим залом и представляла собой мини-полигон, хорошо защищенный от магических воздействий изнутри. Ведь студентов надо учить, а обучение боевых магов имеет свою специфику. Были и специальные полигоны как в стенах академии, так и за ее пределами. Но проводить лекции на полигоне не совсем удобно. А показывать наглядно только что изложенный теоретический материал из раздела боевой магии в обычной аудитории просто опасно.

В главной аудитории находился стенд «первого испытания» — заключительный аккорд в отборе кандидатов для учебы на боевом факультете. Это испытание проводилось после трехмесячного

вводного курса, где студентов обучали самоконтролю, методам концентрации и первичным защитным заклинаниям. По достижении студентами определенного уровня они сдавали теоретический и практический зачёт. Теоретический зачёт сдавался преподавателю, а вот практический сдавался на стенде «первого испытания». Этот стенд представлял собой длинную тридцатиметровую трубу, образованную защитным полем, прозрачную только снаружи. На одном конце этой трубы, на специальной площадке, помещали испытуемого, а на другом клетку со сликсами. Преподаватель открывал дверку клетки, и на студента устремлялся голодный сликс. Этих сликсов специально держали постоянно голодными, и студент должен был поставить защитное поле, чтобы обезопасить себя. На это отводилось буквально три секунды — время преодоления сликсом тридцатиметровой дистанции. То есть проверялись способности студента действовать в критической обстановке. Проверялись — самоконтроль, концентрация и то, как студент усвоил поданный ему теоретический материал. Немногие выдерживали, примерно одна треть. Остальные пытались убежать, падали в обморок, некоторые даже обделывались. Понятно, что за три секунды даже самый прилежный студент первого курса не сможет построить защитный щит. Тут

проверялась скорость реакции, а именно, как поведет себя кандидат в боевые маги перед лицом смертельной опасности. Известной опасности, потому что студенты знали, что ждет их. Но весь фокус заключался в том, что труба за три метра до испытуемого была перегорожена стационарным защитным щитом, и вот этого студенты не знали. Они все потом думали, что щит в последнюю минуту поставил преподаватель.

И теперь магистр Клейнмор собирался подвергнуть этих девочек такому испытанию. Но, надо отдать должное магистру, он очень подробно расписал условия испытания, показал клетку со сликсами и пригласил желающую к стенду, видно надеялся, что девочки испугаются и откажутся. Первой к стенду подошла старшая девушка. Она зашла в открытый конец трубы. Дверь за ней закрылась. Теперь девушка видела непрозрачные стены тоннеля и голодных сликсов, отделенных от нее только решеткой и тридцатью метрами пространства. Магистр не смог удержаться, чтоб не пожать плечами, мол, он предупредил. Помедлив пару секунд, чтобы девушка смогла хорошо рассмотреть беснующихся в клетке тварей, подал знак мастеру Харалеку, тот дернул за рычаг три раза. Три раза! И на девушку с визгом устремились три крупных твари.

Это были сликсы, вид полуразумной нечисти.

Похожие на крыс, но с крыльями, с пастью, подобной крокодилей, и с тремя рядами зубов: первый ряд — клыки, два вторых — жевательные зубы, тоже очень острые. Лапы и концы крыльев усеяны когтями. Хвост длинный и голый, им сликс может стегать как кнутом. Сликсы атаковали, при этом издавая громкий визг, переходящий в ультразвук.

Девушка спокойно и как-то даже лениво вскинула руку, и недолетевшие до нее метров пять сликсы утонули в ревущем пламени. Огонь прокатился по трубе до самой клетки и там затих. Сликсы в клетке на секунду замолчали, а потом завyli с новой силой. Те же три штуки, что летели на девушку, упали обугленными тушками. Девушка четко развернулась и спросила у магистра:

— Разрешите встать в строй?

Магистр ошарашенно кивнул головой, такое было первый раз за все время его преподавания. Тут же раздался голос второй девушки, вернее, девочки:

— А теперь я, да, дяденька магистр?

Этот вопрос вывел Клейнмора из ступора, он посмотрел на девочку и строго сказал:

— К преподавателям факультета следует обращаться — господин магистр, или господин мастер, — магистр кивнул в сторону так же пребывающего в шоке Харалека, — или же по

фамилиям — магистр Клейнмор, мастер Харалек! К преподавателям других факультетов можете обращаться по своему усмотрению или по их выбору, как захотите, — добавил он мстительно, не одному же ему страдать — в том, что эта девочка тоже пройдет испытание, Клейнмор уже не сомневался. Сдвинув брови, он строго спросил:

— Вам понятно, студентка?

— Аг... Так точно! Господин магистр! — звонко ответила девочка и вприпрыжку побежала к стенду. Встав на позицию, она кивнула головой. Мастер Харалек снова три раза дернул за рычаг, Клейнмор увидел, что у мастера глаза горят азартом, ему и самому было интересно. Переведя взгляд на девочку, магистр похолодел — защитный щит рассыпался, старшая девушка, сжигая сликсов, сожгла и щит!

Время растянулось. Три сликса с воем неслись на девочку. Та сложила руки как для стрельбы из арбалета и начала стрелять. В сликсов полетели маленькие пульсары. Они взрывались, не долетая до тварей. Складывалось такое впечатление, что девочка не может попасть. Сликс летел вперед, перед ним взрывался маленький огненный мячик, отбрасывал сликса к клетке и тот снова с воем летел вперед. Клейнмор тряхнул головой, и время для него снова пошло нормальным ходом. Но теперь вой сликсов, взрывы пульсаров слились в один

протяжный гул, от вспышек рябило в глазах. Так продолжалось секунд двадцать, магистр понял, что девочка просто играет! Он уже раскрыл рот, чтоб прекратить это безобразие, но тут девочка перестаралась, один пульсар попал в дверь клетки, и та осыпалась пеплом. Сликсы, ничем не сдерживаемые, вырвались на волю! А щит был разрушен, да и сама силовая труба зияла прорехами. Клейнмор начал плести защитное заклинание, чтобы прикрыть студентов от атаки разъяренных тварей. Девочка вытянула вперед руки и растопырила пальцы, с каждого пальца в сторону сликсов устремился огненный поток. Казалось, этими потоками никто не управляет, но огонь безошибочно бил по воющим тварям. Как только сликс вспыхивал, огненная плеть находила следующую жертву. Три секунды — и всё было кончено. Магистр убрал защитное плетение, со стеклянным звоном осыпалась защитная труба и с треском завалилась пустая клетка.

— Однако... — произнес мастер Харалек, даже его проняло, всегда невозмутимый, он выглядел слегка растерянным.

— Господин магистр, а... — девочка повернулась к Клейнмору и развела руками, вид у нее был очень несчастный, — а где... А еще...

— Всё, студентка, сликсы кончились, больше не будет! — строго сказал декан боевого

факультета, к нему уже возвратилась его невозмутимость, он правильно понял этого ребенка: тому понравилась игра и он хотел еще.

— Так, господа студенты, — сурово оглядев снова подравнявшийся строй, магистр, сдвинув брови, продолжил: — По техническим причинам теоретическое занятие переносится на вторую пару. Сейчас у вас будет занятие по фехтованию. Мастер Харалек, ведите группу!

— Слушаюсь, магистр! — вытянулся мастер и скомандовал: — Нале-во! Бегом марш!

Строй развернулся и побежал в спортзал, в конце строя подпрыгивала «техническая причина».

— Ты уж постарайся без подобного... — указал глазами на разгром декан факультета.

— Постараюсь, — ухмыльнулся мастер, — тебе сейчас не позавидуешь, Дир-дыр точно тебе в голове дырку прогрызёт! — И, продолжая усмехаться, Харалек побежал вслед за студентами.

Магистр вздохнул и дунул в серебряный свисток, вызывая команду ремонтников, понимая, что сейчас ему предстоит разговор с завхозом академии гномом Грымдуалендирдыром.

Студенты стучали бокенами, отрабатывая задание данное мастером. Две новеньких студентки стояли под стеночкой, ожидая распоряжений. Харалек усмехнулся и, указав на оружейную

стойку, кивнул старшей:

— Прошу!

Девушка выбрала бокен, поклонилась мастеру и встала в стойку. Мастер тоже кивнул и напал. Девушка довольно грамотно фехтовала, уколы блоки, связки, чувствовалось, что ее обучали. Уяснив ее уровень, мастер нанес укол. Девушка подняла свой бокен, отсалютовав мастеру, поклонилась и встала к стенке.

— Студентка Милисента, в вас чувствуется школа. Вы где-то обучались? — спросил мастер Харалек.

— Так точно, мастер. В монастыре карротинок.

— Не менее шести лет, так? — понимающе кивнул мастер.

— Семь лет! Уровень — младшая послушница.

Мастер с интересом посмотрел на девушку, младшая послушница — это серьезно. Милисента поставила бокен в стойку и заняла место у стеночки рядом со своей сестрой.

— Теперь вы, — кивнул мастер девочке. Та ухватила первый попавшийся деревянный меч, тоже поклонилась, копируя свою сестру, встала в стойку. Мастер улыбнулся — уж очень это забавно выглядело. Еще он отметил, что девочка схватила бокен не по руке, он для нее был слишком тяжел.

— Бой! — скомандовал мастер и попытался напасть, но не успел — на него обрушился град ударов. Сначала, ушедший в глухую оборону, мастер с удивлением наблюдал, как девочка машет своим оружием. Почти тридцать секунд непрерывной атаки, тут и опытный воин с привычным для него оружием выдохся бы. Но девочку сопротивление мастера только раззадорило, она еще нарастила темп! Мастер, уже приноровившийся к манере девочки, усмехнулся. Да, скорость и сила ударов были удивительны для такой маленькой девочки, а вот техника! Нет, она не махала мечом, как палкой, но складывалось такое впечатление, что ей показали три связки, вот она их и использовала, причем в одной и той же последовательности. Выждав еще тридцать секунд, надеясь, что девочка выдохнется, мастер поймал девочку на широком замахе и, хитро повернув свой бокен, сделал им вращательное движение. Меч девочки вылетел из ее руки и, перевернувшись в воздухе, оказался в руках у Харалека. Тот усмехнулся, но девочка уже вцепилась в его бокен. Вцепилась своими когтями! Мастер осуждающе проговорил:

— Вот этого, студентка Листик, я вам категорически не советую делать в реальной схватке, когти проиграют против стали меча.

Девочка засмушалась, а потом увидела

стоящее в углу чучело рыцаря в цельностальном доспехе с вытянутым вперед мечом. Это чучело было муляжом, на котором студенты отрабатывали удары по уязвимым местам доспеха, уворачиваясь от ответных выпадов этого чучела. Меч был тупой, но стальной, деревянный бы быстро сломался об студентов. Девочка спросила:

— Можно?

Мастеру стало интересно, и он кивнул. Девочка подскочила к рыцарю и ударила когтями по мечу, меч переломился! Вернее, не переломился, а был как будто перерезан! Потом нанесла удар в центр доспеха, ее когти с легкостью проббили броню, а потом начали вскрывать ее как консервную банку, когда девочка повела рукой вниз.

— Достаточно, студентка Листик! Вы так все учебные пособия перепортите. Но все-таки я бы не советовал использовать когти против меча. Когти — это оружие ближнего боя, или диверсанта, например, чтобы нанести завершающий удар, которого противник не ожидает со стороны голой руки, или скрытно снять часового. Вам понятно, студентка?

— Ага!

— Что — «ага»?!

— Ой! Так точно, господин мастер! Нанести завершающий удар и скрытно снять часового! —

выпала студентка и стала оглядываться в поисках часового, над которым можно проделать всё то, о чем говорил мастер.

— Отставить часового, студентка! — строго сказал мастер Харалек. Потом он показал сестрам, какие упражнения надо им отрабатывать на этом занятии и вернулся к остальным, которые только делали вид, что занимаются, а сами с интересом наблюдали за мастером и новенькими.

Магистр перехватил группу идущих на вторую пару студентов и повел их в обычную аудиторию. Потому как в главной бригаде брауни еще не закончила ремонт. Руководил бригадой домовых гном Грымдуалендирдыр, которого все называли завхозом, так как он заведовал хозяйственной частью академии, хотя его должность называлась — проректор по хозяйственной части. Поэтому его нотации о недопустимости порчи академического имущества магистр выслушал безропотно, привычно пропустив их мимо ушей.

Когда студенты расселись за партами, причем новенькие студентки заняли места за пустующей первой партой, Клейнмор скомандовал:

— Господа студенты, достали конспекты, записываем первую тему этого учебного года, — тут он заметил, что девушки не выполнили его

команду, — а вам, новенькие, что, особое приглашение надо?

— Никак нет, — ответила вставшая из-за парты старшая, — у нас нет тетрадок!

Магистр покачал головой и достал из своей сумки две тетрадки и два карандаша:

— Вот, возьмите, а на перемене зайдите в академическую лавку и купите всё необходимое. Попросите — набор первокурсника, в нем есть всё что вам надо. Итак, продолжим, тема номер один — основы магической защиты. Это очень важная тема, студент Мишлин, напомните нам, чем отличается боевой маг от обычного?

— Боевой маг — это маг-универсал, оперативно реагирующий на изменяющуюся обстановку! — бодро отрапортовал вскочивший студент. Магистр благосклонно кивнул:

— Именно, а маг-универсал всегда слабее мага, специализирующегося в какой-нибудь одной области. Но обычно в поединке победителем выходит боевой маг. Студент Харвлин, почему?

— Потому, что боевой маг всегда бьет первым, выбирая самое уязвимое место, — ответил, вскочив, второй студент.

— Именно! Неожиданно и в самое уязвимое место! К примеру, маг земли может устроить землетрясение, которое разрушит стены обороняющегося города, что весьма трудно сделать

боевому магу. Но магу земли требуется время для подготовки, и пока он будет готовиться, его могут просто убить, как маги противника, так и простые солдаты из осажденного города, сделавшие вылазку под прикрытием вражеского боевого мага. Поэтому задача боевого мага нападающих защитить своего коллегу. Да, студентка Милисента? — Прервал свою речь магистр, увидев поднятую руку студентки.

— А если у штурмующих не будет мага земли, чтоб разрушить стены города? — задала вопрос девушка.

— Тогда задача их боевого мага — открыть ворота. Это трудно, но гораздо труднее потом эти ворота удержать, удержать до подхода своих солдат. Приведу еще один пример, вам, как боевому магу, поставлена задача сопровождать конвой. Важная почта, vip-персона, не суть важно. И на узкой лесной дороге на конвой напали. Ваши действия, студентка Листик.

— Я их всех пожгу! — вскочила девочка.

— Замечательно! — саркастически хмыкнул магистр. — Будете действовать в стиле — всех пожгу, одна останусь? Но дорога узкая, и у напавших на вас было время хорошо подготовиться. И они подготовились, и пока вы, студентка Листик, будете жечь их с одной стороны, те, что с другой, уничтожат ваш ценный груз. Заметьте, не захватят,

а именно уничтожат! Получается, даже если вы их всех пожжете, ваша миссия будет провалена. Ну и, чтоб всех пожечь, вам просто не хватит вашего резерва магической силы, и скорее всего вас тоже убьют.

Листик пренебрежительно хмыкнула, а потом задумалась. А магистр продолжил:

— Но если вы поставите защиту, то у вас появится время, чтобы принять правильное решение. Даже если у нападающих есть маг, то он все равно сразу не взломает вашу защиту, если, конечно, она грамотно поставлена.

Закончив со вступительной частью, магистр продолжил читать лекцию, студенты прилежно конспектировали.

В академической столовой в первый день учебного года было многолюдно. Нельзя сказать, что здесь хорошо кормили, вернее, хорошо кормили, но только за деньги. Бесплатная кормёжка, которая полагалась бюджетникам и выдавалась по специальным талонам, была совсем невкусной и не очень питательной. А вот за деньги можно было поесть, и неплохо. Но, с другой стороны, за деньги можно было поесть еще лучше в ресторанчиках, что находились недалеко от академии. Длительность большой перемены позволяла это сделать.

В академической столовой за угловым столиком, вызывая удивленные взгляды, сидела девочка в зеленом сарафанчике, из-под подола которого выглядывали кружевные панталончики. Она прижимала к себе две полотняные сумки с набором первокурсника. Сразу после второй пары Милисента и Листик пошли в академическую лавку и купили там всё необходимое. Гном-продавец сложил это всё в большие полотняные сумки и пояснил, что с ними удобно ходить на занятия. Потом сестры пошли в столовую, путь куда им показал тот же гном из лавки. Листик как вцепилась в лавке в свою сумку, так и не выпускала ее из рук. Ведь там были такие богатства: тетрадки в клеточку и тетрадки в линеечку, тетрадки толстые и тонкие, папки с листами бумаги для зарисовок, перья самопишущие, не требующие постоянного макания в чернильницу, карандаши простые, самозатачивающиеся, карандаши цветные. Цветные карандаши требовалось точить, для этого прилагалась специальная машинка, от которой Листик отказалась. Она тут же заточила один из карандашей своим когтем, впрочем, гном-продавец не удивился: в стенах академии он и не такое видел. В столовой Милисента предложила Листике положить сумки на стулья и пойти за едой, но, увидев нежелание подруги расставаться со своими сокровищами, махнула рукой, отдала ей свою сумку

и пошла сама. А Листик сидела, время от времени доставая коробку цветных карандашей, и счастливо вздыхала.

Листик подняла голову от своих сокровищ, перед ней стоял высокий парень. Ухмыльнувшись, он сел на стул и сделал козу:

— Утю-тю-тю, и кто это тут у нас в таких панталончиках?

Листик успела отстраниться, и он ее не достал, тогда он попытался выдернуть сумку из рук девочки, но она, оттолкнувшись ногой от стула, где сидел парень, отъехала в сторону. При этом нога девочки чиркнула по камзолу этого парня, довольно нарядному камзолу, и, видно, это его разозлило. Он громко сказал:

— Что это за детский сад в стенах академии? Всякие тут...

При этом он большим и указательным пальцем схватил Листика за нос, вернее, хотел схватить, потому что его рука с растопыренными пальцами застыла в трёх сантиметрах от ее носа. Листик отодвинулась еще дальше, всё так же прижимая сумки к себе, а вокруг пальцев парня заплясало пламя.

— А-а-а-а! — заорал парень.

— Чего орёшь, лишенец? — спросила подошедшая с подносом Милисента, на котором стояли горшочки, чашечки и лежали ложки и ломти

хлеба. Девушка попыталась оттолкнуть стул парня, со словами:

— Чего ты сюда сел? Не видишь, стол занят?

Стул отъехал, и парень упал на пол лицом вниз. А вот кисть его руки осталась на том же месте, где была, когда он пытался схватить нос Листика, поэтому рука завернулась за спину. Милисента строго сказала:

— Листик, отпусти этого лишенца!

— А я не знаю, как! — заявила девочка.

— Почему «лишенец»? — спросил кто-то из толпы студентов, собирающихся вокруг их столика.

— Потому, что сейчас пальцев лишится! Листик их ему отождёт! — пояснила Милисента.

— А-а-а-а! — еще громче заорал парень. Он лежал на полу, а его вытянутая вверх рука была как будто зажата в невидимых тисках.

— Как не знаешь? Ты же его сама... — произнес один из студентов, но его перебил строгий женский голос:

— Что здесь происходит?

— А-а-а-а! — ответил парень.

— Девочка... — начала строгая женщина в таком же строгом костюме, Листик вскочила и представилась, впрочем, не выпустив обеих сумок из рук:

— Студентка второго курса, боевой факультет, группа боевых магов, Листик!

— Студентка Листик! Отпустите студента Вэркуэлла!

— Я не знаю как, — уже совсем растерянно произнесла Листик.

— Но это ты его поймала? И что за заклинание ты применила? — строго спросила женщина, но увидела, что девочка расстроилась из-за того, что ее будут сейчас ругать. В таком состоянии дети замыкаются, и чего-либо от них очень трудно добиться, поэтому, сменив свой строгий тон на более ласковый, женщина похвалила девочку:

— Молодец! Отлично сработано! Как же тебе удалось его так ловко поймать? Ты сама это заклинание сплела? А какое?

— Да, это я его поймала! — гордо сказала Листик. — Поймала в малую индивидуальную защиту! Нам сегодня магистр Клейнмор лекцию читал!

Женщина что-то быстро проговорила в большой медальон, висевший у нее на шее, внимательно посмотрела на парня с вывернутой рукой и сказала девочке:

— Ты помнишь, как ставила? Попробуй в обратном порядке!

Листик наморщила лоб и засопела носом. Через секунд десять парня дёрнуло и потащило вверх, еще больше выворачивая руку.

— А-а-а-а-а! — парень завыл так, что женщина поморщилась.

— Что здесь происходит? — задал вопрос вошедший магистр Клейнмор.

Женщина в строгом костюме быстро обрисовала ситуацию.

— И как же вы, магистр Клейнмор, дали такое заклинание, не пояснив студентам, как его деактивировать! — закончила возмущенно строгая женщина.

— Это вводная лекция, магистр Вилари, сегодня был только теоретический материал. Матрицу заклинания я показал как пример, а ее построение, активация и деактивация будут изучаться только на следующих занятиях.

— Но как тогда ваша студентка смогла сплести и активировать заклинание? Да еще такое мощное?!

— Я и сам бы хотел знать это!

— Вот так! — решила пояснить Листик, и тут же парня снова дёрнуло и потащило вверх, уже отрывая от пола.

— А-А-А-А! — завопил он, вися на вывернутой руке.

— Студентка Листик, прекратить! — скомандовал магистр Клейнмор.

— Есть прекратить! — ответила Листик.

Магистр пару секунд всматривался в

висящего и вопящего парня, потом щёлкнул пальцами, и тот упал лицом вниз на пол. Его подхватили пару человек и потащили в медпункт. Магистр Вилари подцепила магистра Клейнмора под руку и увлекла из столовой, спрашивая на ходу:

— Как вам удалось деактивировать это заклинание? У меня не получалось...

— Заклинание довольно несложное, просто студентка очень много влила в него силы, и оно не поддавалось деактивации, потому как получился самоподдерживающийся контур. А я просто разрушил скрепляющие узлы.

— Какая интересная у вас студентка. Почему я не видела ее ранее?

— Вам сейчас представится возможность с ней познакомиться, ведь следующая пара у ее группы ваша...

Магистры вышли из столовой, и о чем они говорили дальше уже не было слышно. Милисента обвела взглядом столпившихся вокруг студентов и почти прошипела:

— Если ещё кто попырует обидеть Лисстика... — На ее руках появились когти и возник огненный шар, жар которого заставил отшатнуться студентов, стоящих вокруг. Но жар от шара ей самой не доставил ни малейшего беспокойства. Она погасила огонь и сказала Листикку, продолжавшей прижимать к себе

полотняные сумки:

— Давай есть, а то остыло всё, да и на следующую пару скоро.

Магистр Вилари оглядела группу «боевиков», как называли группы факультета боевых магов. Первые две пары учебные группы проводили на своих профильных факультетах и кафедрах, а третья пара посвящалась смежным областям магических наук. Читали лекции и проводили практические занятия по ним специалисты с соответствующих кафедр. Сейчас у «боевиков» была некромантия и читала ее магистр Стэлла Вилари. Заинтересовавшая магистра девочка со своей подругой, вернее, с сестрой, так как фамилия была у них одинаковая, сидели на первой парте.

— А сейчас небольшая демонстрация всего вышесказанного и заодно проверка материала, пройденного в прошлом году, — закончила магистр вступительную часть и сделала знак. В аудиторию ее ассистент вкатил низенькую тележку, на которой что-то лежало накрытое простыней.

— Вот, — сказала магистр, — простейший зомби, и мы с вами рассмотрим приемы его упокоения.

— Ой, — громким шепотом сказала девочка, — этот простейший зомби что-то привёз!

Ассистент, расслышавший шепот девочки,

неодобрительно на нее взглянул, а магистр Вилари, сдернув простыню, произнесла:

— Зомби, вернее, будущий зомби, сейчас ассистент Геровец его подымет.

— Ой, бедненький, — прошептала девочка.

— Кто? Зомби? — тоже шепотом спросила сидящая рядом девушка.

— Нет, ассистент, ему же сейчас этого мертвяка руками брать надо будет, чтоб поднять, а он так воняет!

— Нет, руками никто его брать не будет, — улыбнулась магистр, — поднять — это означает... Впрочем, сами увидите. Прошу, ассистент Геровец.

Бледный ассистент, сам чем-то похожий на зомби, сказал какую-то непонятную фразу, после чего протянул в сторону мертвеца руку и сказал:

— Встань!

Мертвец сел на своей каталке, вонь от него стала сильнее.

— Простейший зомби, — сказала магистр Вилари, — представьте, что на вас нападает толпа таких монстриков, вам надо упокоить их. А некромантов рядом нет, то есть все необходимые действия вы должны совершить сами. Ваши действия?

— Сожгу! — грозно заявила девочка.

— Одного, ну может, двух, а может, даже трех. Но зомби плохо горят, и у вас не хватит сил,

чтоб сжечь всю толпу. И вы останетесь против этой толпы с вычерпанным магическим резервом. А зомби, когда их жгут, еще и сильно воняют.

Как бы подтверждая слова магистра, зомби завонял еще сильнее.

— Фу, какая мерзость! Всё равно сожгу! — решительно заявила девочка.

Зомби встал с каталки, в его пустых глазницах зажглись красные огоньки. Потом он вытянул руки, на которых появились когти, в сторону девочки и зарычал, вонь при этом стала просто нестерпимая. Рычащий зомби шагнул к девочке. Девочка брезгливо скривилась, тоже вытянула руки в сторону зомби, причем когти у нее были гораздо больше, чем у зомби, и тоже зарычала. Зомби остановился, красные огоньки в глазах закатились, как глаза у человека перед обмороком. Пару раз качнувшись, зомби упал и перестал вонять.

— Первый раз вижу такой странный способ упокоения, — сказала магистр Вилари, рассматривая неподвижного зомби. Тот под взглядом магистра пару раз дернулся. Вилари хмыкнула: — Хотя он не упокоенный, может еще встать, самопроизвольно.

— Не-а, больше не встанет, — уверенно сказала девочка. Магистр задумчиво посмотрела на нее, потом перевела взгляд на лежащего зомби. Тот опять дернулся. Магистр кивнула своему

ассистенту, тот снова произнес непонятную фразу и приказал мертвецу:

— Встань!

Но мертвец всем своим видом показывал, что вставать никак не хочет. Хотя время от времени дергался.

— Встань! — громко и грозно произнес ассистент Геровец. Зомби задергался сильнее, но все равно вставать не хотел. Магистр задумчиво покачала головой:

— Геровец, попробуйте еще раз, если не встанет, будем окончательно упокаивать.

— Встань! — приказал ассистент громким и гулким голосом, сделав рукой непонятное движение. В глазах зомби вновь зажглись красные огоньки, он, не вставая, повернул голову в сторону девочки.

— Только попробуй! — грозно сдвинув бровки, сказала та. Огоньки в глазах зомби погасли, и он сложил руки на груди, как бы показывая, что и без окончательного упокоения он не встанет ни за какие коврижки.

Глава пятая. Бытовые мелочи. И не только...

Хотя Листик и Милисента были второкурсницами, они стояли в хозяйственной

части академии в толпе студентов первого курса. Небольшой зал, предбанник большого склада, с трудом вместил всех студентов, пришедших за различными бытовыми мелочами, постельным бельем, кружками, графинчиками и другими вещами, необходимыми в быту студенческого общежития. Листик и Милисенте уже выделили комнату, и, надо сказать, неплохую комнату. Примерно раз в шесть больше, чем обычная комната для двух студентов. Но девочки были не простыми студентками, они были контрактниками. То есть за свое обучение заплатили сами, вернее, за них заплатили. А такие студенты жили или на съемных квартирах за пределами академии, или на территории академии в общежитии, но в особом его крыле, где комнаты были значительно просторнее.

Проректор по хозяйственной части, очень важный гном Грымдуалендирдыр вещал о правилах проживания в общежитии и о бережном отношении к академическому имуществу уже час. Милисента зевала, а Листик с неослабевающим вниманием слушала. Она хотела точно знать, что можно делать, а что нельзя, чтоб не попасть в очередной раз впросак. Она протиснулась в первый ряд и с открытым ртом внимала гному. А тот, стоя на возвышении, чтобы видели все студенты, вдохновляясь таким восторженным слушателем и не думал останавливаться. Наконец, поняв, что

пошел на третий круг своей речи, гном закружился и сел за столик. Достав большую толстую книгу, он провозгласил:

— А теперь мы запишемся в книгу учета студентов ваши имена, произносить их четко и внятно, а также материальные ценности — те предметы обихода, которые вы желаете получить. Называть причину, по которой вы желаете получить именно этот предмет. А я решу, достаточно ли у вас оснований для владения данным предметом. И напротив каждого имени студента я запишу, кто что получил из материальных ценностей, дабы при порче академического имущества было видно, кто и что испортил, и мы с него потом взыщем за эту самую порчу!

— О! — восхитилась Листик.

Польщенный таким восторженным отношением к его ораторским талантам, гном закончил:

— Я проректор по хозяйственной части академии Магических Искусств мастер Грымдуалендирдыр! Попрошу не искажать мое имя, я этого не люблю. — После чего милостиво обратил свое внимание на Листика. — Вот вы, студентка, видно, что почтительная, хоть и молодая, ваше имя?

— Листикалинариона, баронесса Дрэгис. Мое имя тоже иногда искажают, но вы можете называть

меня Листик, мне так больше нравится. А это моя сестра Милисента. — Листик ухватила за руку Милисенту и выдернула из толпы студентов. Гном стал записывать имена и фамилии студенток в свою толстую книгу. А Листик начала тараторить:

— О, какая у вас толстая книга, уважаемый мастер Грымдуалендирдыр, это, наверное, бухгалтерская книга? Журнал учёта материальных и других ценностей? Да? И в нем все страницы пронумерованы, а потом прошнурованы и скреплены круглой печатью? Да?

Пораженный такими глубокими знаниями студентки в области ведения учёта, а еще и тем, что она правильно выговорила с первого раза его имя, гном только кивнул. А Листик продолжала:

— У старшины Фримуандидора тоже такая есть — и тоже круглая. Он говорит, что круглая печать имеет юридическую силу. А разве квадратная печать не имеет юридической силы? И какая это сила? Наверное, очень сильная! Вот Гвидо, это лейтенант дрэгисской дружины, когда сердится, так и говорит — «юридичеееская сила»! А мастер Фримуандидор, это старшина дрэгисской дружины, он тоже гном. А вот он говорит, что только гномы могут правильно следить за ведением хозяйства. И только гномы могут правильно и без ошибок вести учёт материальных ценностей! Потому что только у гномов самые светлые головы!

С этим не согласиться польщенный гном никак не мог, и он важно кивнул, а Листик продолжала трещать дальше:

— Да, у гномов самые светлые головы, вот только не свежие!

Брови мастера Грымдуалендирдыра полезли вверх от такого заявления, а девочка продолжала:

— Старшина Фримуандидор всегда ругает наших воинов, а они все норвеи, так вот он их ругает за беспорядочность, говорит, что никакого порядка среди них нет! — И, явно кого-то копируя, девочка произнесла: — Порядок должен быть во всём, даже в мелочах! Даже такая мелочь, как портянки! Да, солдат в грязных портянках далеко не уйдет! Поэтому их надо стирать! А стирать портянки надо с вечера, чтобы утром их можно было быстро намотать, на свежую голову!

Гном потряс головой, скорость, с которой Листик это всё рассказывала, не давала ему вставить даже слово. А девочка трещала дальше:

— Это правда, что стиранные с вечера портянки наматывают только на свежую голову? Я, сколько ни подсматривала, ни разу не видела, чтоб старшина Фримуандидор наматывал портянки себе на голову по утрам, хотя он их стирал каждый вечер! Получается, что у него голова несвежая? — Девочка закончила свой монолог и вопросительно уставилась на проректора по хозяйственной части.

Мастер Грымдуалендирдыр быстро, чтоб студентка не затрещала вновь, выясняя степень свежести головы у всех гномов в общем и у него в частности, написал что-то на бумаге и протянул ее девочке:

— Вот накладная-наряд на получение!

— Благодарю вас, мастер Грымдуалендирдыр! — присела в книксене старшая студентка, взяла наряд и потащила за собой девочку. — Пошли, Листик!

На складе, куда пришли девочки, гном кладовщик развернул наряд и увидел не привычный перечень того, что обычно выдается студентам, заселяющимся в общежитие, а запись «Выдать всё!» и большую размашистую подпись своего начальника.

Еще раз оглядевшись, брауни убедился, что всё в порядке. Его звали Кузя, хотя не его, а ее — Кузя была девочкой, домовушкой. И она, после долгих просьб, получила эту должность — комнатного домового. В студенческом общежитии каждая комната имела своего домового. В комнатах, где жили девушки, были домовые женского пола — домовушки. Правда, не все студенты и студентки знали, что в их комнатах обитает еще один жилец. Некоторые догадывались, но домового не видел никто. Домовые всегда прячутся от людей, но, как известно, любят

уважительное отношение к себе — чтоб к ним вежливо обращались, всегда угощали, ну хотя бы блюдечко с молоком ставили. Если же этого нет, то тогда домовые начинают шалить. Сапоги, поставленные вечером у кровати, утром оказываются под кроватью. Носки расползаются, как живые, а конспект, вечером брошенный под одну кровать, утром оказывается под другой. Тем же, кто им оказывал знаки уважения, домовые помогали сохранять порядок. Но уборку в своих комнатах все равно приходилось делать самим студентам.

Кузя потирла лапки, всё очень удачно сложилось — новые студентки прибыли в академию в день начала занятий. Для их комнаты не нашлось никого из брауни, и тут вспомнили о Кузе. Пимен, старший домовой пятого этажа, долго инструктировал домовушку. Правда, комната Кузи была на шестом, но она там была единственной и мансардной. Потому-то она и была такой большой. Когда эту комнату показали студенткам, которые будут в ней жить, младшая как-то презрительно произнесла:

— Маловата пещерка, расширить бы надо!

Ну, куда тут расширять? С одной стороны капитальная стенка с камином, в ней, кстати, и была ухоронка домовушки, с противоположной — большое окно, а другие стенки представляли собой

покатые скаты крыши. Эта маленькая студентка сама захотела на самый верх, так чем она теперь недовольна?

В коридоре послышались шаги и пыхтение, в комнату вошли ее жильцы, Кузя едва успела спрятаться. Девушки принесли всё, что получили на складе, тючок получился немаленький, и тащила его младшая. У старшей тоже был груз, хоть его было раза в три меньше, чем у младшей, но пыхтели они одинаково. Свалив свою ношу, девочки огляделись, и младшая снова произнесла:

— Какая маленькая пещерка! Хорошо, хоть камин есть!

— Тут и ванная есть, вон дверь видишь? — показала на дверь в ванную комнату старшая.

Младшая тут же поскакала туда, и из ванной раздался разочарованный вздох:

— Тут же нет водопада! Какая-то неудобная ванная!

Кузя даже слегка обиделась, услышав такой презрительный отзыв о вверенной ей студенческой жилплощади.

— Водопадик будет, если кран свернуть, — рассеянно сказала старшая студентка, она разбирала вещи, но при этом думала о чем-то своем.

— О! — раздалось из ванной, — щас я его сверну!

Старшая студентка поднялась, быстро прошла в ванную и вытащила оттуда младшую. Видно, устраивать в ванной водопадик, старшей показалось не очень удачной идеей. Она поставила перед собой младшую и спросила:

— Листик! Объясни, пожалуйста, что со мной происходит!

При этом девушка подняла руку и ее перламутровые ногти превратились в когти, она продолжила:

— Вот ногти цвет поменяли, и когти стали вылазить! Раньше хоть маленькие были, а теперь вон какие большие!

Листик тоже подняла свою руку, ее когти были больше, чем у Милисенты, в два раза, она помахала рукой в воздухе и удовлетворенно заметила:

— Когти, чего тут особенного? Когти — это очень удобно, можно карандаши точить или банки с консервами открывать. А у меня когти больше! Вот! Так что, не переживай!

— Но у меня же раньше не было! — Милисента не собиралась истерить по поводу когтей, но голос она повысила. Листик обняла ее и стала утешать:

— Ну, не переживай, тебе же Марта сказала, что в тебе есть древняя кровь. Вот она и проявляться начала.

— Хорошенькое проявление этой крови в виде когтей! И когда у меня зубы и крылья расти начнут? Может, и хвост появится? И скоро ли я начну огнем плевать, как ты?

— Я огнем не плюю, и вообще плевать некрасиво! — немножко обиделась девочка и попыталась отстраниться, но теперь девушка ее обняла и удержала:

— Но ты же дракон? А драконы всегда огонь выдыхают!

— Ничего и не выдыхают! — Перед девочкой за клубилось пламя, но ее рот был закрыт.

— Может, через нос выдыхают? — сделала предположение девушка, Листик зажала себе нос и рот руками, но пламя не погасло.

— Втг, ввшш... — начала она, потом, отняв руки ото рта и носа, продолжила: — Вот видишь, совсем не из носа пламя, огонь возникает просто перед тобой и летит туда, куда хочешь. Ты же тоже огнем бросаться можешь, и не изо рта и не через нос!

Милисента задумалась, перед ней тоже полыхнуло пламя.

— Вот видишь, — обрадовалась Листик, — ты тоже можешь! Только вот в дракона сейчас обернуться у тебя не получится, так что не будет пока у тебя ни зубов, ни хвоста, ни крыльев! Может, потом... Если сильно захочешь. Но этого

надо сильно захотеть.

— Знаешь, Листик, как-то по поводу зубов и хвоста я не переживаю, а вот крылья хотелось бы... — вздохнула девушка. Потом продолжила разбирать принесенные тючки, выставляя на стол посуду. Листик бросилась ей помогать. Когда стол был накрыт, Листик хлопнула в ладоши:

— Вот, теперь ужинать будем! — Пристально посмотрев в угол, девочка сказала: — А ты чего там прячешься, вылезь давай, я же сказала — ужинать будем!

Милисента увидела, как из угла комнаты появилось дрожащее существо, размером с кошку, только шерстка у него была короткая и коричневая. Существо пару раз всхлипнуло и тоненьким, но приятным голоском произнесло:

— Не надо меня кушать!

Быстро спрятавшись в свою ухоронку, Кузя наблюдала за девушками. А они начали воинственно размахивать когтями, а потом вообще пламя стали выдыхать, или не выдыхать? Вроде пламя у них и так получалось. Но пламя было большое, оно ударялось в камин и вылетало через трубу. Домовушка похолодела, перед ней были страшные вайниры! Ужасные вайниры, которыми мамы домовушки пугали своих детей:

— Не будешь слушаться, придет страшный

вайнир с когтями, как кухонные ножи, пыхнет огнем и съест тебя!

Не то что бы маленькие домовенки верили, но было очень боязно. Потом Кузя узнала, что в древние времена действительно жили такие чудовища, и они действительно охотились на брауни. И теперь древний ужас стоял перед Кузей! Она молилась всем богам, чтоб эти пришельцы ее не заметили, но, видно, боги не услышали. Младший вайнир, или вайнирка, ее увидела, это в ухоронке внутри стены-то, и позвала на ужин, наверное, в качестве главного блюда. Кузя поняла — убежать ей не удастся, и она на подгибающихся ногах вышла в комнату.

Старшая вайнирка только сейчас заметила Кузю, подскочила к ней, погладила и воскликнула:

— Ой, какая красивая и мягонькая у тебя шерстка, ты кто?

— Кузя, — ответила домовушка дрожащим голосом и залилась слезами. Этой вайнирке ее шубка понравилась, наверное, теперь, перед тем как съесть, с Кузи сдерут ее замечательную шкурку.

— А чего ты плачешь? — спросила младшая, подхватила Кузю и посадила на стол. Кузя зарыдала в голос, на столе стояли чашки и пустая тарелка, точно, сейчас ее положат на тарелку и есть будут.

— Ну, чего ты плачешь? — опять спросила младшая.

— Как же мне не плакать, когда меня, бедную, съедят?!

— Это кто тебя есть собрался? — нахмурилась вайнирка.

— Вы, — пропищала Кузя и заплакала еще сильнее, — и-и-и-и-и!

Старшая подхватила Кузю на руки и стала гладить, видно, пробуя, подойдет ли ей домовушкина шкурка. Потом достала платок и начала промокать Кузе слёзки, приговаривая:

— Ну что ты плачешь, глупая, никто тебя не собирается есть.

— А она, — Кузя показала на Листика. Та аж поперхнулась:

— Я-а-а-а?!

— Не плачь, Кузя, Листик не ест... А кстати, Кузя, ты кто?

— Брауни, — ответила за Кузю Листик, — домовушка. Она, наверное, здесь живет. У меня в пещере тоже живут, целое семейство брауни. Они людей боятся. Кузя, не буду я тебя есть. Вообще, мы разумных не едим!

— Ну, вы же сказали: иди сюда, ужинать будем?! — всхлипнула Кузя.

— Я тебя пригласила поужинать с нами, я всегда приглашаю брауни. А раз ты здесь живешь, то тебя тоже надо угостить, потому что самим есть, а других не угощать — не вежливо! — объясняла

Листик, наливая в расставленные чашки молоко и высыпая на пустую тарелку плюшки из большого кулька. Старшая девушка посадила Кузю перед чашкой и сказала:

— Вот наш ужин, это мы из столовой принесли. Вот молоко, а плюшки на тарелке. Угощайся!

Кузя посмотрела на девушек, потом на чашку с молоком и спросила:

— Это мне? Вы меня угощаете?

— Ага! — ответила младшая, пытаюсь целиком засунуть себе в рот плюшку. — Тепе, ушошайся.

— Тебе, тебе, — засмеялась старшая девушка, — мы теперь будем на троих в столовой ужин брать, и на завтрак тоже. Чтоб и тебе хватило.

— Мне много не надо, — ответила Кузя, откусывая кусочек от плюшки и запивая молоком. Старшая девочка погладила домовенку, а младшая, прожевав плюшку, сказала:

— Я Листик, а она — Милисента, будем знакомы.

— А я Кузя, я брауни, который будет присматривать за вашей комнатой, ваш домовой! — ответила Кузя.

— Ага! — сказала Листик и потянулась за еще одной плюшкой. — А домовые есть у всех?

— Да, в каждой комнате есть. У мальчиков —

домовой, а у девушек — домовушка!

— Кузя! А ты мне pomoжешь этой пещерке придать жилой вид? А-то здесь как-то неуютно, — сказала Листик. Кузя огляделась, комната как комната, только большая, но ей стало интересно, что же хочет сделать Листик, и Кузя согласно кивнула.

Уже начало темнеть, но в садовой беседке горел магический светлячок, поэтому тем, кто там находился, сгущающаяся темнота не доставляла неудобств. Король Саеш третий, задумчиво рассматривая те места, где раньше стояли две другие беседки, спросил у придворного мага:

— Все-таки меня очень беспокоит этот странный обряд побратимства или посестринства, как-то уж всё очень просто, без предварительной подготовки, без этих всяких магических штук. И тем не менее уж очень... — Король пощёлкал пальцами, наверное, чтоб показать, как это его беспокоит.

— Видите ли, ваше величество, я тоже такое видел в первый раз, но раньше читал о подобном. Баронесса Дрэгис, несомненно, носительница древней крови, ваша дочь, как выяснилось, тоже. А они, я имею в виду носителей древней крови, обладают особыми способностями. Вы же видели, как баронесса разнесла беседку? — Придворный

маг кивнул, указав на место, где была та беседка. Там уже зеленела трава, остатки беседки давно убрали и на том месте разбили клумбу. Король тоже туда глянул и тоже кивнул. А маг продолжил:

— Она просто туда посмотрела, никаких пасов руками, ни заклятий, произнесенных вслух, и, как мне кажется, про себя она тоже ничего не произносила, просто посмотрела, захотела, и всё!

— Но моя дочь тоже сожгла, но при этом она взмахнула рукой!

— Ваша дочь еще не научилась контролировать свои силы, как баронесса. Она взмахнула рукой, потому что ей требовалось сосредоточиться на задуманном действии. Но она быстро прогрессирует, думаю, что в итоге принцесса будет одним из сильнейших магов королевства!

— Ей до этого еще дожить надо! Меня очень беспокоит то, что на моих детей было наложено проклятие. Ведь только Милисента сумела выжить! Кто с нее снял это заклятие? И как? Вы же говорили, что его снять невозможно!

— Мне удалось выяснить, ваше величество, что заклятие накладывал некромант, заклятие на крови...

— Как ему удалось достать кровь моей дочери?

— Это я выясню, ваше величество, — вступил

в разговор третий собеседник.

— Выясните, Вирит, выясните. Я очень хочу с ним побеседовать, с ним и с его заказчиком тоже.

— Тот, кто снял с принцессы это заклятие... — придворный маг потерял свою бороду, — я думаю, он же и пробудил в принцессе спящую древнюю кровь.

— Но как так получилось, что в моей дочери есть древняя кровь?

Маг только развел руками, а король повернулся ко второму мужчине:

— Ладно, Единый с ней, с этой кровью, может, это и к лучшему. А что вы скажете, Вирит?

— Как вы сказали, ваше величество, это оказалось как нельзя к лучшему. Пробуждение этой самой крови в вашей дочери, ваше величество, изменило рисунок ее ауры. На церемонии объявления наследницы она была в капюшоне. Ее лица никто не видел, а того, что Королевский Камень ее признал, для лордов было уже достаточно. И эта юная баронесса тоже оказалась очень кстати. Весь месяц ее видели рядом с принцессой, а потом принцесса исчезла. А баронесса и ее сестра, очень похожая на принцессу, идут учиться в академию Магических Искусств.

— А не намудрили ли вы, Вирит? — нахмурил брови король.

— Нет, ваше величество, — улыбнулся граф

Клари. — Наш неведомый злоумышленник, пока неведомый, обязательно проверит эту версию и обнаружит девушку, похожую на принцессу! Только похожую, так как ее аура и не напоминает ауру принцессы.

— Да, у этого злоумышленника должен быть слепок ауры принцессы и образец ее крови, — кивнул придворный маг.

— Мэтр Фиранто, вы же проверяли ее кровь? Что скажете? — спросил начальник тайной стражи. Король, услышавший про кровь, забеспокоился:

— Мэтр Фиранто, надеюсь, вы это сделали в тайне и уничтожили кровь, которую брали у принцессы?

— Ваше величество, я брал три раза образцы крови у принцессы и баронессы Дрэгис. И все три раза они были разными, — придворный маг развел руками, — это не поддается объяснению. Но в последний раз кровь принцессы и баронессы была очень схожа, такое бывает только у кровных родственников!

— Даже так, — потер руки граф Клари, — это просто замечательно!

— Рассказывайте, граф, рассказывайте, какую очередную многоходовую зубодробительную комбинацию вы задумали? — Поднял бровь король.

— Наш неведомый злоумышленник должен именно так и подумать. Вот смотрите, появляется

принцесса, а с ней мало кому известная маленькая баронесса. Все видят, что они очень близки. Через месяц в академию Магических Искусств по королевской протекции поступают две девушки. И одна из этих девушек та самая баронесса, лучшая подруга принцессы! Какой отсюда вывод?

— Вторая девушка — принцесса, — пожал плечами король. И тут же забеспокоился: — Но если этот вывод очевиден, то, может, было бы лучше спрятать принцессу в одном из монастырей? У тех же сестёр карротинок?

— Вот, это и должно прийти в голову злоумышленникам! — торжествующе вскинул палец начальник тайной стражи. — Девушку, что рядом с баронессой, обязательно проверят! Но принцесса не обладала никакими магическими способностями, а эта девушка обладает! И немалыми! — Граф указал на те места, где раньше стояли беседки. Король и маг послушно туда посмотрели, а потом перевели взгляд на палец графа. Он покачал своим поднятым пальцем, как будто кому-то погрозил, и продолжил:

— Помимо способностей есть еще и аура, которая не соответствует ауре принцессы, и, как сказал уважаемый мэтр Фиранто, кровь! Кровь тоже не соответствует! Значит, они будут искать принцессу в другом месте!

— Но в другом месте принцессы нет! —

возразил придворный маг.

— Почему нет, — усмехнулся граф и снова покачал пальцем, — есть! Вернее, будут, так как они туда едут! Семь принцесс, в семи каретах, сегодня выехали из дворца и поехали в разные стороны!

— Я поражен, граф, где вы взяли столько принцесс? — воскликнул маг Фиранто.

— Только в двух каретах девушки, замаскированные под принцессу. Обвешанные отражающими и защищающими амулетами. Они изъявили желание учиться в монастыре карротинок, их туда и везут разными путями. В пяти остальных каретах только амулеты, создающие фантом принцессы и заряженные боевым магом гвардии, — начальник тайной стражи, увидев обиду, написанную на лице придворного мага, извинился: — Прошу простить меня, мэтр, вас к этой операции я решил не привлекать. Вы слишком заметная фигура.

Маг согласно кивнул, в словах начальника тайной стражи был резон. А граф Клари продолжил:

— Пять других карет с амулетами, срок действия которых — три дня, тоже поехали в разных направлениях. Причем гвардейцы, которые сопровождают карету, знают, что в ней обманка, но они уверены, что принцесса точно находится в

одной из других карет!

— Но наш враг может организовать засаду, как это было проделано в прошлый раз!

— Может, но три дня слишком малый срок, и семь карет — не одна! Он тоже понимает, что принцесса может быть только в одной!

— Но через три дня останутся только две! — вскричал маг.

— Да, через три дня гвардейцы бросают карету-обманку, разъезжаются в разные стороны и мелким группами двигаются в разные монастыри. В том числе, и к карротинкам! У каждой группы есть амулет, создающий фантом принцессы! Таким образом, количество принцесс увеличивается втрое!

— Хитро, — сказал король, — комбинация как раз в твоём стиле! Но какую-нибудь группу могут отловить, и убедиться, что у них принцессы нет!

— Да, убедиться, что принцессы нет именно в этой группе, а в других? Дорога займет чуть меньше месяца, и наш противник всё это время будет гоняться за фантомами. Он знает, что я придумаю нечто в этом роде, а я, в свою очередь, знаю, что он знает, а он знает, что я знаю, что он знает...

— ...что знаешь ты, — засмеялся король.

— Именно так, ваше величество, поэтому он будет искать в каждом нашем действии скрытый

смысл. А обилие вариантов заставит его суетиться, и чем больше своих ресурсов он задействует, тем легче мне будет обнаружить следы его деятельности, и... — Граф сделал движение рукам, как будто затягивал петлю на чьей-то шее.

Смеркалось не только вокруг беседки в королевском саду, но и во всем городе. В ничем не приметном особняке, в таких жили небогатые купцы и такие же небогатые дворяне, в комнате на втором этаже за столом сидели трое мужчин. Главный из них барабанил пальцами по столу, о чем-то размышляя. Перестав барабанить, он обратился к младшему:

— Так, говоришь, семь карет, в разные стороны?

— Да, ваша милость!

— И еще одна девчонка в академии Магических Искусств?

— Да, ваша милость!

— Что ж твои хваленые специалисты из ночной гильдии? А Зарисс?

— Они, ваша милость, ничего не смогли сделать! При попытке убить принцессу погибли три их лучшие пятёрки! Но я вам тогда сразу и доложил! И аванс они не вернули, — немного обиженно ответил мужчина.

— Да, три пятёрки лучших убийц ничего не

успели сделать, и при этом были моментально уничтожены, сожжены огнем. Что вы думаете об этом, мэтр?

— Принцессу сопровождали три боевых мага, не меньше. И маги не из слабых. Боевые маги такого класса все известны. Но кто это был, даже не догадываюсь, — развел руками тот, кого называли — мэтр.

— Ладно, вернемся к нашим баранам, вернее, принцессам, размножившимися чудесным образом. Семь карет, и в одной из них принцесса, хотя я не уверен, что принцесса не удаляется от столицы другим путём. То, что ее увезли из города, — несомненно! Хитромудрый Клари мог придумать что-нибудь этакое, с него станется. Наблюдение за каретами установлено?

— Да, ваша милость, за всеми семью, но у нас мало людей. Пришлось задействовать почти всех!

— Пошлите весточку Наразуку, пусть попробует перехватить.

— Его в прошлый раз сильно потрепали, да и против него выслан карательный отряд, так что он вряд ли высунет нос из своего замка. Да и дракона он боится.

— Чушь, — фыркнул главный, который «его милость». — Дракона он придумал, чтоб скрыть свою несостоятельность. Почти три сотни дружины и две сотни наёмников, и не справиться с

тридцатью гвардейцами! И где это видано, чтоб дракон плевался огнем! Чушь!

Маг склонил голову, он был полностью согласен с главным из их троицы.

— А что это за девки, направленные в академию по протекции короля?

— Это, ваша милость, баронесса из какого-то приграничного баронства и ее сестра. Правда, старшая похожа на принцессу...

— Похожа? — заинтересовался его милость и повернулся к магу, тот кивнул головой:

— Очень похожа, но это не она. Ауру принцессы я хорошо знаю. Тут совсем другая конфигурация и наполнение. Потом, у принцессы не было ни грана магических способностей, а эти две сестрички разнесли огнем магистру Клейнмору его любимую игрушку.

— Огнем, говорите? Мэтр, я попрошу проверить вас этих студенток. Вряд ли это принцесса, уж слишком она на виду, даже для этого хитреца Клари... И это не его стиль, там бы была многоходовая комбинация с двойным, а то и тройным дном. Нет, это не принцесса, но вы, мэтр, всё же проверьте. А ты, Зарисс, займись каретами. Я надеюсь, что ты на этот раз не оплошаешь.

— А если принцесса успеет укрыться у карротинок?

— Постарайся, Зарисс, постарайся. Даже если

укроется... Не надо меня огорчать, а я огорчусь, если ты ее не поймаешь, очень огорчусь!

Домовенок Триша опоздал на вечернюю планёрку брауни. Но у него была уважительная причина, он очень переживал за Кузю. Она только вступила в должность комнатного домового, тогда как Триша уже год работал. И сегодня у нее был первый день. Триша затаился в стенной ухоронке, недалеко от комнаты новых студенток. Он не видел, что там происходит, но почти всё слышал. Слышал, как одна из студенток сказала: — «Будем ужинать!» И слышал, как Кузя просила ее не есть, дальше Триша слушать не стал, он бросился за помощью. Но, прибежав, он, как раз попал на трапезу. Совместная вечерняя трапеза для домовых была священна. Хотя какая она вечерняя, скоро уже рассвет. Ведь брауни бодрствуют ночью, а спят днем. За исключением тех, что входят в ремонтную бригаду уважаемого Грымдуалендирдыра. Они даже на брауни не похожи, а похожи на маленьких гномов. По крайней мере, бороды у них такие же.

Главный домовый общежития Трифон неодобрительно покосился на опоздавшего. К старшему по общежитию присоединился и старший по этажу — домовый Пимен, он тоже неодобрительно покосился на Тришу. Молча кивнув ему на его место, он запустил свою ложку в

общий котелок с кашей. Эту кашу специально готовили для домовых брауни в академической столовой.

— Господин Пимен, — начал было Триша, но грозно сдвинутые брови старших и не менее грозные взгляды остальных заставили замолчать нарушителя традиций. А традиции — это всё! Это — святое! Брауни чтит традиции не менее, а, может, даже более чем гномы. Триша сел с краешку и достал свою ложку, но ничего не ел, каша не лезла ему в горло. Он сидел и тихо плакал.

Когда котелок опустел, Трифон степенно облизал и спрятал свою ложку. Потом глянул на Пимена, тот тоже не менее степенно облизал ложку и грозно посмотрел на злостного нарушителя традиций:

— Ну!

— Кузю съели! — давясь слезами, выкрикнул Триша.

— Ну! — повторил Пимен, а потом удивленно спросил: — Как это, съели? И кто это мог ее съесть?!

— Студентки съели! Новенькие! — Триша уже громко, в голос, зарыдал.

— Постой, постой-ка, — вмешался Трифон. — Как это, съели? Разве нас можно есть, мы охраняемся законом!

— А они съели! На ужин! — По мохнатым

щекам Триши ручьями бежали слёзы, ему было очень жалко Кузю.

— Никак это невозможно! — Трифон оглядел притихших брауни.

— Однако же ее нет, — тоже оглядел всех Пимен. — Никак на совместную трапезу опаздывать невместно... Традиция же, однако.

Брауни начали растерянно переглядываться, действительно традиция была злостно нарушена, домовушки не было. Студенты, конечно, всегда голодные, но не до такой же степени, чтоб есть домовых.

— Однако, есть брауни неможно! — степенно провозгласил Трифон, почесав затылок. Все брауни согласно закивали. Надо было идти разбираться. Но если эти студентки съели одну домовушку, то на этом могут и не остановиться. Пойти пожаловаться на студенток почтенному Грымдуалендирдыру? Так он же не брауни, уже спит, наверное. Трифон снова степенно почесал затылок. Так ничего и не решив, он глубоко задумался, но его раздумья были прерваны тоненьким голоском домовушки:

— Ой, извините, я опоздала.

Прерванные в самый свой разгар раздумья не способствуют быстроте реакции, и Трифон застыл с открытым ртом, но чесать затылок не перестал. Пимен неодобрительно посмотрел на домовушку и так же неодобрительно сказал:

— Опаздывать на совместную вечернюю трапезу никак невместно! Даже если тебя съели! А кто тебя съел?

— Никто меня не ел, — засмеялась домовушка, — А опоздала я потому, что Милисента и Листик пригласили меня с ними поужинать! Отказываться неприлично, вот! А меня угощали молочком и сладкими плюшками! Вот!

По группе домовых пронесся вздох зависти, их никогда не приглашали на молочко и сладкие плюшки, в лучшем случае, так, где-нибудь в уголке поставят блюдечко с молоком. Но это так редко бывает.

— Ты показалась людям?! — грозно спросил старший домовой Трифон, наставив на Кузю палец.

— Ага, ой, нет! Они меня сами увидели! И пригласили!

— Как это, пригласили? Они тебя что, увидели? Как это может быть?

— Ага, увидели! Листик увидела! У нее когти — во! И огонь она может выдыхать через нос! Вот!

— Ну, неправда! Совсем не через нос! — раздался чуть хриловатый голос, и в главную ухоронку брауни вошла рыжая девочка. Вошла, как ходят брауни, прямо через стенку. В просторной ухоронке сразу стало тесно. Девочка присела на корточки, даже для невысокой Листика потолок был низким, ведь ухоронки рассчитаны на брауни, а

не на людей.

— Вот! Это — Листик! — представила девочку Кузя. Листик попыталась изобразить общий поклон, насколько это возможно сидя на корточках. — Она моя подруга!

— Ага! — подтвердила Листик. Старший домовый Трифон отметил это «ага», точно так начала отвечать и Кузя. Домовой осуждающе покачал головой, мало того что Кузя самовольно вышла к людям, так она еще и набралась у них дурных манер. А нарушение традиций, как и дурные манеры, требуют немедленного наказания, о чем Трифон и не замедлил высказаться. На что Листик подняла руку, вместо ногтей у нее появились внушительные когти, и она не менее внушительно сказала:

— Кузю я пригласила, так что она не виновата. И вообще, кто Кузю обидит — порву на ленточки!

— Вайнир! — с ужасом выдохнул кто-то из брауни.

— Ой, ой! — тоненько запричитал Триша.

Трифон тоже испугался, но не подал виду, он все-таки был старшим домовым. А старший домовый должен сохранять спокойствие и степенность, даже когда его едят. Но, присмотревшись к девочке, он не нашел в ней признаков вайнира. Ее кожа была теплого

золотистого цвета, а не бледно-синюшной как у вайниров. Да и глаза у нее были зеленые, а не красные. И вайниры не могли залазить в ухоронки брауни, выцарапать домовых оттуда когтями — да, но не полностью залезть.

Девочка, увидев, что ее выходка напугала маленьких брауни, смутилась. Она спрятала когти и попросила Трифона:

— Уважаемый... эээ...

— Трифон! — подсказала Кузя.

— Трифон! Не наказывайте Кузю, она очень хороший домовой, и я хочу выразить вам признательность и благодарность, что именно она домовой нашей комнаты!

Трифон снова почесал в затылке со всей солидностью, на которую только был способен. Выражение признательности и благодарности, особенно когда это всё выражают тебе, оказалось неожиданно приятным. Присмотревшись к девочке, Трифон признал в ней носительницу древней крови. Брауни гораздо древнее людей, а кровь девочки говорила о том, что она принадлежала к существам еще более древним, чем брауни. Трифон кивнул Пимену, тот тоже это рассмотрел. Теперь стало ясно, почему эта девочка может проходить сквозь стены как брауни. Старший домовой поклонился девочке и сказал:

— Хорошо, раз вы довольны домовушкой

вашей комнаты, то мы тоже выносим ей эту...

— ...благодарность! — подсказала Листик. — И не надо ругать ее за опоздания, мы же не можем ужинать без нее, она же с нами живет.

— Но совместная вечерняя трапеза, — вмешался Пимен, — это же традиция!

— А можно, Кузя будет с нами проводить... — девочка, слегка привстав, заглянула в котелок, — совместное торжественное вечернее поедание каши? Ведь это тоже будет совместная вечерняя трапеза, да? И традиция не будет нарушена. — Листик не стала уточнять, что кашу вполне можно заменить плюшками, а-то, чего доброго, эти важные брауни посчитают это злостным нарушением традиций.

Трифон кивнул и посмотрел на Пимена, тот тоже кивнул, Трифон важно произнес:

— Да, традиции это всё! И раз вы, Листик, обладаете способностями брауни, то вечерняя трапеза с вами не будет нарушением традиций!

Масин фон Крунув, студент третьего курса факультета некромантии крался по коридору. Уже скоро рассвет, в это время самый крепкий сон, а значит, вероятность того, что жертва розыгрыша проснется, очень мала. Масин обожал разные шутки и розыгрыши, а первая ночь нового учебного года просто была предназначена для розыгрыша

или шутки. Но всё надо было проделать так, чтобы завтра на него никто не подумал. Осторожно, прижимаясь к стенке, Масин бесшумно двигался по коридору, замирая при любом шорохе. Вот и сейчас он замер с широко раскрытыми глазами. Из стены, Масин точно помнил, что в том месте нет ни дверей, ни ниш, вышла ведьма! Это точно была ведьма! Она была рыжей, очень молоденькой и совсем голой, правда, без метлы. Ее сопровождало существо размером с кошку, покрытое короткой коричневой шерсткой. Но это существо передвигалось на задних лапах, или всё же ногах? Фигурка этого существа больше напоминала человеческую, а не кошачью. Масин затаил дыхание — откуда в общежитии академии Магических Искусств могла взяться ведьма? Студент себя ущипнул, чтоб проверить, не кажется ли это ему. Фигуры не пропали, они посмотрели налево, направо, как люди, переходящие дорогу, и двинулись к противоположной стенке. Масин еще раз ущипнул себя, но уже сильнее. Ведьма повернулась к нему и показала язык. Существо, сопровождавшее ведьму, тоже показало студенту язык. Потом они исчезли в противоположной стенке коридора. Переведя дыхание, Масин на цыпочках подкрался к тому месту, где исчезли ведьма и ее спутник, осмотрел и даже ощупал стены. Они были глухие и оштукатуренные. Но те,

кого он видел, исчезли именно здесь! Прислонившись к стенке, Масин задумался. Вряд ли это была ведьма, а если не ведьма, значит, фантом или наведенный морок. А на кого можно наводить морок ночью в коридоре общежития? Только на того, кто сейчас по этому самому коридору крадется! Масин оглянулся, ожидая, что сейчас раздастся взрыв смеха, и шутники себя обнаружат. Но всё было тихо, а это значит, что шутки еще не кончились, что над ним собираются еще подшутить. Масин осторожно двинулся в обратном направлении, стараясь как можно быстрее добраться до своей комнаты и спрятаться там.

Глава шестая. Пари

Косые струи дождя из темноты барабанили по стёклам балконной двери. Еще не было поздно, но уже было темно, все-таки конец листопада, последнего месяца осени. Но в комнате Листика и Милисенты было тепло и уютно. Для этого пришлось потрудиться, и хорошо потрудиться! Если камин особых усовершенствований не требовал, то всё остальное... Нет, водопадика в ванной девушки на сделали, но вот заделать все щели в крыше, да и утеплить ее и стены комнаты надо было обязательно. Комната, которую выделили сестрам Дрэгис, была большая, но на

этом ее достоинства и заканчивались. Это была мансарда под самой крышей пятиэтажного здания студенческого общежития и занимала она часть чердака, то есть являлась уже шестым этажом. Одна стена капитальная, около нее и располагался камин, построенный по какой-то прихоти проектировщика этого здания, как иначе назвать то, что шикарный камин был устроен практически на чердаке? Две другие стены — это были скаты крыши, опускавшейся от центра к краям комнаты, не доходили до пола немногим больше, чем полтора метра. Стена, противоположная от капитальной, представляла собой большое окно, выходившее на крышу пятого этажа. Эта часть крыши была постоянной головной болью проректора по хозяйственной части, так как она, несмотря на все плановые, внеплановые и ежегодные ремонты, протекала.

Конечно, Милисента и Листик не смогли бы привести в порядок свою комнату самостоятельно, тем более что гном Грымдуалендирдыр вряд ли бы выделил свою бригаду ремонтников для таких работ. Но тут девочкам очень помогла Кузя. Она организовала группу младших домовенков и те законопатили все щели мхом, который принесла Листик, этим же мхом утеплили стены и крышу. Листик слетала в свою пещеру и принесла оттуда много шкур, которыми застелили постели и

завесили часть стен. На пол положили большую шкуру пещерного медведя. Листик на него специально не охотилась, это он сам попытался съесть рыжую девочку, лакомящуюся сладкими ягодами в малиннике. Напавший на маленькую девочку медведь погиб от удара драконьего хвоста по лбу. А нечего было молча нападать! Зарычал бы, может, и остался бы жив.

А из окна, выходящего на крышу, сделали дверь на балкон. С балконом вышла вообще отдельная история. Когда Кузя рассказала девочкам историю злосчастной крыши, Милисента предложила очень оригинальное решение. Она пообещала старшему домовому Трифону, что совершенно бесплатно починит крышу, если тот организует балконные перила. Вызвав к себе старших домовых Трифона и Пимена, девочки сначала коварно угостили их молоком со сладкими плюшками, а потом, в четыре руки, спекли черепицу крыши в монолитную плиту. Расслабившиеся брауни не ожидали от девочек такого коварства, ведь студентки испортили академическое имущество! Но когда разгневанным старшим домовым было продемонстрировано, что монолитная плита, в отличие от черепицы, не пропускает воду и не трескается, когда по ней ходят ногами, сменили гнев на милость. После недолгого совещания было решено оформить Милисенту и

Листика как временных домовых, и выполненную ими работу признать внеплановым ремонтом. А проректору по хозяйственной части было доложено, что проблема с крышей решена. Ремонт выполнен силами комнатных домовых, без привлечения ремонтной бригады. Важный гном Грымдуалендирдыр лично проверил качество ремонта, остался доволен и подписал наряд на изготовление балконных перил, которые и выковали в академической кузне на следующий день. Вот так в выигрыше остались все: проректор по хозяйственной части, что крыша больше не протекает, а девушки получили в довесок к своей комнате шикарный балкон. Теперь Листик могла его использовать как взлетную площадку. Правда, о том, что она дракон, в академии узнала только Кузя и пообещала никому не рассказывать. Но наслаждаться вечерними посиделками на балконе девочкам довелось не долго. Пришли осенние холода, с сыростью, дождями и пронизывающим ветром.

Сегодня как раз и был такой вечер. Но в комнате было тепло, в камине горел горючий камень, ведь дров не напасешься, да и таскать их на шестой этаж замаешься. Милисента сидела у стола и что-то черкала в своих конспектах, а Листик, поджав под себя ноги, сидела на своей кровати. Вернее на том, во что она эту кровать превратила.

По ее просьбе брауни под командой старшего домового Трифона принесли еще одну кровать. Две кровати соединили вместе, набили большой матрас сеном, которое опять же принесла Листик, появление такого большого количества свежего, душистого, хорошо высушенного сена в комнате у девушек вызвало у Трифона удивление, но он не стал их расспрашивать. Потом Листик набила тем же сеном множество подушек, набросала мягких шкур, и получилось уютное теплое гнездышко. Как сказала Милисента — драконье гнездышко. А потом Милисента и себе такое захотела. Ей тоже сделали, благо площадь комнаты позволяла.

Листик сидела, поджав под себя ноги, в своем «драконьем гнездышке», а вокруг нее расположились пять маленьких брауни, тех, что помогали девочкам приводить комнату в порядок. Домовята сидели, раскрыв свои и без того большие глаза, и восторженно попискивали от ужаса. Листик рассказывала страшную историю:

— В темном-притемном королевстве стоит темный-притемный лес! А в том темном-притемном лесу стоит темный-притемный город! А в том темном-притемном городе стоит темный-притемный замок! А в том темном-притемном замке есть темный-притемный зал! И в том темном-притемном зале сидит темный-притемный повелитель! — Последнюю

фразу Листик произнесла зловещим шепотом, из камина высунулась заинтересованная таким обилием темноты огненная саламандра. Маленькие домовята еще громче запищали от сладкого ужаса, а Листик, сделав большие, даже больше, чем у домовят, и страшные глаза, продолжила:

— И никто-никто! Никто его не может найти!

— Да, трудно найти темного-притемного повелителя в темном-притемном зале, — задумчиво произнесла Милисента, отрываясь от конспекта. — Наверное, потому его никто и не ищет, понимают, что это безнадежная затея.

— Да! Его никто не ищет! — зловеще произнесла Листик.

— И-и-и-и, — запищали домовята от ужаса.

— И этот очень темный повелитель очень горько плачет! — закончила Листик, домовята перестали пищать, а самый смелый задал вопрос:

— А почему! Почему темный повелитель горько плачет?

— Наверное потому, что его никто не ищет, — пояснила вместо Листика Милисента. — Понимает, что он никому не нужен.

— А разве так может быть, что никому не нужен? — спросил тот же домовенок.

— Наверное, может, — пожала плечами Милисента, но пояснить, почему может, не успела, в дверь раздался стук. Домовят как ветром сдуло,

они спрятались в стенную ухоронку. Спряталась в огонь и саламандра. Листик, не меняя позы, развела руки в сторону и повернула раскрытые ладони вверх, закрыв при этом глаза.

— Войдите! — сказала Милисента.

В комнату вошли две студентки третьего курса, травница Иззелла и некромантка Аррима. Если Иззелла была более похожа на человека, то Аррима была в длинном черном балахоне, с бахромой по подолу и на рукавах. Ее черные волосы были сбиты в высокую прическу, глаза жирно подведены черной тушью, лицо выбелено пудрой, до почти синего цвета, а губы выкрашены темно-синей помадой.

Милисента отложила конспект и с интересом уставилась на некромантку, та покосилась на Листика и спросила:

— Что это она?

— Отрабатывает концентрацию магических потоков. Медитирует. В смысле, накапливает силу для завершающего удара, — пояснила Милисента.

— А что, может ударить? — опасно спросила некромантка.

— Ну вот, как накопит, так и ударит, не пропадать же накопленному, — Милисента пожала плечами.

— А куда? — не отставала некромантка, несмотря на свой устрашающий вид, она не была

смелой.

— Вот откроет глаза, что первое увидит, по тому и ударит. Нам же надо тренироваться, — скучающим тоном разъяснила Милисента. Листик, подсматривавшая сквозь щёлочки закрытых век, хихикнула и открыла глаза. Обе пришедшие девушки шарахнулись в сторону, стараясь спрятаться за Милисенту. Тут уж громко захихикали обе сестры.

— Да ну вас, — обиделась некромантка. — Мы тут посоветоваться пришли, а вы...

— Советуйтесь, — благосклонно кивнула Милисента, но хихикать не перестала. А Листик, некоторое время похихикав, обратилась к некромантке:

— Слушай, Аррима, если тебя запереть в темном зале, то из тебя может получиться отличный темный повелитель!

— Не надо меня запирасть! — еще больше обиделась девушка. — Да еще в темном зале!

— А чего это ты так вырядилась? На кладбище собралась? Вампиров пугать?

— Иззелла! — кивнула некромантка, и травница выложила на стол глянцевый журнал. — Вот, новое веяние в столичной моде. Называется готский некростиль!

— Ого! — сказала Милисента, рассматривая иллюстрации, Листик соскочила с кровати,

подбежала к столу и тоже заглянула в журнал.

— Ого! — повторила она вслед за старшей сестрой, — так же совсем невозможно одеться.

— Почему? — хором спросили гости.

— Ну, ты же, когда так будешь одеваться, должна же в зеркало посмотреться? — спросила Листик. Девушки кивнули, а Милисента снова начала хихикать.

— Вот! — победно продолжила Листик. — Начинаешь одеваться и смотришь в зеркало, а там такое! Увидишь — испугаешься и убежишь! Так не одетой и убежишь!

Милисента засмеялась, а Аррима совсем обиделась:

— Я посоветоваться, а вы...

— Аррима, — приобняла девушку за плечи Милисента, — это же совсем не твой стиль! У тебя же румяное лицо! Так зачем же его скрывать за этим гримом. А фигура?! Фигура у тебя вообще, куда там этим красавицам! Тебе надо вот так... Талия высоко, разрез на платье или юбке вот досюда, и обязательно высокий каблук! — И Милисента начала набрасывать на чистом листке бумаги контуры женской фигуры. Обе девушки внимательно слушали ее. Милисента одевалась скромно, легенда о дочерях приграничного барона не позволяла девушке покупать дорогие наряды. Но даже скромный сарафан на Милисенте выглядел

как бальное платье. Листика она тоже так пыталась одевать, хотя той было всё равно, что носить, лишь бы было удобно. Изысканный вкус и чувство гармонии сделали Милисенту признанным экспертом в вопросах нарядов среди женской части академии. Но не это способствовало ее авторитету, а то, что Милисента всегда подсказывала наилучший вариант.

Синхронное кивание Арримы и Иззеллы было прервано новым стуком в дверь. Оторвавшись от своего рисунка, Милисента громко сказала:

— Войдите!

В комнату осторожно вошел Масин фон Крунув. Он поздоровался со всеми и поинтересовался, чем они тут занимаются.

Раньше всех ответила Листик:

— Мы обсуждаем новый стиль моды, называется «нотский гекростиль»! Вот!

Девушки застыли с открытыми ртами, а Листик подскочила к Масину и стала его просвещать:

— По этому стилю так, как ты, уже не одеваются! Вот тут у тебя надо сделать разрез! — Листик провела появившимся у нее когтем поперёк живота студента, всем своим видом показывая, что такой разрез она готова сделать хоть сейчас. Ей тоже очень хотелось что-нибудь кому-нибудь посоветовать, и она, приняв молчание

застывшего студента за согласие, с энтузиазмом продолжила:

— А разрез глаз?! Такой уже не носят, давай мы тебе их быстренько перерезаем? А уши?! Но разве это по моде, давай их тоже подравняем? Ага?

— Ммм, — замычал ошарашенный таким напором Масин, — Листик, ты знаешь, я как-то не стремлюсь следовать всем веяниям моды, тем более такому стилю, когда надо уши равнять! — Тут его взгляд упал на модный журнал, потом он с ужасом посмотрел на Арриму и срывающимся голосом спросил ее, косясь на Листика:

— Она тебе что, уже подровняла?

Девушки громко захихикали, а Листик надулась:

— Вот, только собралась приобщить человека к высокой моде! И это, заметьте, совершенно бесплатно! — Она горестно взмахнула рукой, уже со спрятанными когтями, и с несчастным видом поплелась на свою кровать.

Масин тоже был контрактником и стипендии не получал, деньги на учебу и жизнь ему присылали из дому. Но, на его взгляд, присылали очень мало. Ему казалось, что жизнь в столичном городе требует гораздо большей суммы. И как всякий студент он был не прочь подзаработать, или, на худой конец, одолжить. И он первый пришел к новеньким студенткам, почему-то принятым сразу

на второй курс, ведь раз их так приняли, то, наверное, они дети очень богатых родителей. Пришел с целью одолжить десяток золотых, пришел со словами — «Мы же друзья, так выручите меня по-дружески». На что младшая сразу ответила, что «если мы друзья, то к друзьям надо приходиться с подарками и угощением», и выкатила такой список того, чем бы она хотела, чтоб ее угостили, что Масин решил поддерживать просто дружеские отношения. Тем более что в младшей он узнал ту рыжую ведьму, которую встретил в первую ночь учебного года. Но Листик сделала вид, что видит Масина в первый раз. И тот успокоился, решив, что он таки пал жертвой розыгрыша кого-то из старшекурсников.

Милисента указала студенту на стул и вопросительно подняла бровь, весь вид Масина показывал, что у него есть какая-то новость. Масин сел и не разочаровал:

— Грунс Вэркуэлл рассказывает, что вас взяли на боевой факультет по блату, за вас заплатили богатенькие родственники, и что вы не из приграничного баронства. Уже неделю всем это рассказывает.

Листик презрительно хмыкнула из своего вороха подушек и шкур, а Милисента просто пожала плечами, показывая, что ее не интересуют подобные сплетни. А Масин продолжил:

— И что вы не проходили первого испытания, что магистр Клейнмор всё сам подстроил, будто вы прошли, а на самом деле он сам...

Листик снова хмыкнула, а Милисента уже с интересом слушала.

— И что вы папенькины дочери, и что у вас...

— Слушай, Масин, а ты хочешь заработать денег? — перебила студента Милисента. Не то что бы она была жадная, но денег всегда студентам, а тем более студенткам, не хватает. А недавний поход с Листиком по кондитерским... Хотели просто полакомиться, но стоило старшей отвлечься, как младшая заказала себе пять килограмм дорогостоящего лакомства — мороженого! Самое интересное, что она его таки съела. При этом даже не простудилась, только чуть-чуть хрипеть больше стала, и то не долго.

— Да! — сразу откликнулся Масин. — А сколько?

— Много, и насколько много — будет зависеть от тебя.

— А как, как заработать?

— Раскрути этого Вэркуэлла на пари. Мол, ты подговорил этих богатеньких папенькиных дочек на принципиальный спор. Если они действительно хотят стать боевыми магами, то такая малость, как первое испытание «охотников», для них совсем не страшно. Вэркуэлл же уверен, что мы по благу, вот

и должен клюнуть.

— А если нет?

— Ну, это уже твоя забота, раскрутишь — получишь долю от выигрыша пари!

— Пятьдесят процентов!

— Ха! — сказала Листик.

— Пять! — сказала Милисента.

Сошлись на пятнадцати.

Грунс Вэркуэлл, четвертый сын герцога Вэркуэлла, ходил в нетерпении по коридору, он ждал этих выскочек, двух студенток со второго курса боевого факультета. Сам он был пятикурсником того же факультета, но группа не «боевиков», а «охотников». Охотников за нечистью, или, как их еще называли, — «ведьмаков». Боевой факультет имел два потока. Поступающих тщательно отбирали, а потом по каким-то непонятным признакам делили на два потока. И если группы «ведьмаков» набирали каждый год, то «боевиков» через год, а то и через два. В этом году набора в группу «боевиков» не было, ни один кандидат не прошел предварительного отбора, то есть даже не был допущен к первому испытанию. Грунс Вэркуэлл считал, что с ним поступили несправедливо, он достоин учиться на боевого мага, а его определили в «ведьмаки»! Ведь уничтожать нечисть — это

плебейское занятие! Занятие, которым не пристало заниматься, пусть и четвертому, но сыну герцога Вэркуэлла! И появление сразу на втором курсе дочек захудалого баронишки он воспринял как личное оскорбление. А когда он узнал, что две студентки, так опустившие его в первый день учебного года в столовой, это те самые, то он стал вынашивать планы мести, попутно распуская всякие слухи о них. И вот вроде они клюнули! Весть об этом принес проныра Масин фон Крунув, этот недостойный сын своих славных родителей. Недостойный-то недостойный, но выторговал у Грунса пятьдесят процентов от выигрыша пари. Но не в деньгах счастье, Вэркуэлл собирался поставить этим выскочкам еще одно условие, Грунс был абсолютно уверен, что эти девки не пройдут первого испытания «охотников», он сам его еле прошел и до сих пор с содроганием вспоминает.

В конце коридора появились эти девки в сопровождении фон Крунува. Грунс, хоть и испытывал к ним неприязнь, но, помимо своей воли, залюбовался старшей. Стройная фигурка, затянутая в серый с черными вставками костюм, аккуратные черные сапожки, пшеничные волосы, заплетенные в косу. Такую даже жалко, но жалость сразу пропала, когда взгляд Вэркуэлла четвертого уперся в младшую. Ее любимое зеленое платье и белые кружевные панталончики, надетые как бы в

насмешку над ним, сыном герцога Вэркуэлла, подпрыгивающая походка и эта ненавистная улыбка до ушей! Жалость сразу пропала, уступив место холодной ярости. И как будто для того, чтоб усилить эту ярость, старшая, остановившись перед ним, непочтительно произнесла:

— Ну?

— Фон Крунув сказал, что вы приняли мои условия, леди? — Слово «леди» Грунс буквально выплюнул.

— Ага! — Еще шире заулыбалась младшая, если бы Вэркуэлл был не в такой ярости, эта улыбка должна была его насторожить, но не насторожила.

— Ага! — повторила младшая и подала Масину фон Крунову увесистый мешочек с пятьюстами золотых. Там были все деньги сестёр — сто золотых, и еще четыреста, которые они наодалживали по всему общежитию, в том числе и у домовых. Девочка кивнула Масину:

— Пересчитай, всё должно быть честно! А где твой заклад? — Это она уже обратилась к Грунсу. Тот скривился и передал свой мешочек. Глянув на сестёр, он произнес:

— Условия вам известны, вы проходите через вольер с драконом, это первое испытание для «охотников». Этим вы докажете, что достойны учиться на боевом факультете. Если же нет... У меня дополнительное условие: если испугаетесь

или побежите, то пишите заявление, чтоб вас отчислили с боевого факультета. Куда хотите — в травницы, в целительницы, в алхимики. Согласны?

Старшая задумалась, видно, испугалась, а младшая стала улыбаться еще шире, видно, не представляла, что ей предстоит.

— Вы вправе выдвинуть встречное предложение. Если я проиграю, то я готов... — Грунс на несколько секунд задумался — к чему же он готов, и продолжил: — Готов, ну вот... хоть съесть свою шляпу!

— Какой-то неравноценный обмен, шляпа против отчисления, — хмыкнула старшая, — но мы согласны, и если мы сделаем что-нибудь выходящее за стандартные рамки испытания, то...

Старшая сделала вид, что раздумывает, а младшая, продолжая улыбаться, заявила:

— Не-а, шляпа не пойдёт! Ты тогда съешь свои сапоги! Вместе с портянками или носками! Что там у тебя надето.

Вэркуэлл скривился, как это по-плебейски — жевать носки! Но кивнул, он был уверен в своей победе, тем более что он сжульничал. Дракон был на цепи и во время испытания он не мог дотянуться до кандидата в студенты, если тот прижимался к самой стенке вольера. Но сейчас цепь была размотана так, что дракон мог передвигаться по всему вольеру. Грунс лично снял стопор с ворота,

стоявшего за вольером, и отпустил цепь на всю длину. Пройти сквозь вольер — в этом-то и заключалось испытание — девушки просто не смогут, дракон их не пустит. Герцог криво улыбнулся и сказал:

— Что ж, если всё обговорено, то приступим, чего тянуть.

— Ага, — ответила младшая, и они пошли в зверинец, за ними двинулась внушительная толпа зрителей, на ходу заключающая пари на исход испытания.

У вольера толпа остановилась, и Грунс, торжествующе улыбаясь, открыл маленькую дверцу в воротах, сделанных из толстых стальных прутьев:

— Прошу!

— Ага! — ответила младшая студентка, и смело шагнула в вольер, за ней вошла и старшая.

Дракон, увидев вошедших девушек, привычно зарычал. Но рычал как-то лениво. Потом его рык прекратился. Дракон будто всматривался, и раскатистый громовой рёв прокатился по всему зверинцу. Дракон подпрыгнул и даже попытался встать на задние лапы, хотя известно, что драконы никогда на них не поднимаются, строение тела не позволяет. Потом, совершив пару прыжков вверх, дракон, молотя своим мощным хвостом, кинулся на девушек. Всё это сопровождалось страшным рёвом, которого от дракона никогда не слышали. Но

девушки, как будто не видя опасности, бесстрашно шли, шли не вдоль решётки вольера к дальнему выходу, а прямо к дракону! Дракон подскочил к девушкам, припал к земле и открыл свою страшную пасть!

Дракон Зюзюка работал в академии Магических Искусств, драконом. Работал на ставке младшего магического сотрудника. Ведь дракону нужно же что-то есть? А это что-то стоит денег, и не малых. Но ставки младшего магического сотрудника хватало. Можно сказать, что в свое время Зюзюка сам устроился на эту должность. Уже пожилой и небольшой дракон Зюзюка с трудом выдерживал конкуренцию со своими молодыми и гораздо большими, чем он, собратьями. Говорят, что драконы — полуразумные существа. Неправда! Они вполне разумны, но зачем думать, когда ты большой и сильный? Просто пришел туда, куда захотел, и съел, что захотел. И никто и слова сказать не смеет. Были, правда, артели ловцов драконов и рыцари драконоборцы, но они охотились на больных и слабых драконов. Со здоровым и сильным драконом не так-то просто справиться. А под тяжелые арбалеты дружинников приграничных баронов, даже у самых тупых драконов хватало ума не лезть. Но вот уже пожилому Зюзюке всё труднее становилось

добывать себе пропитание. И как-то раз он наткнулся на экспедицию академии Магических Искусств. Руководил экспедицией магистр Захарус, заведующий охотничьей кафедрой, или кафедрой «ведьмаков» боевого факультета академии Магических Искусств. У Захаруса была идея организовать для студентов нечто вроде первого испытания «боевиков», и дракон для этого подходил как нельзя лучше. Всё было уже подготовлено, дело оставалось за малым — поймать дракона. И экспедиция отправилась в Хасийские горы. Один из привалов случайно разбили возле ночной лежки Зюзюки, его как раз в очередной раз выгнал из пещеры более молодой и сильный дракон. И Зюзюка подслушал разговор Захаруса с его помощником. Когда все легли спать, Зюзюка тихонько позвал начальника экспедиции и обо всём с ним договорился. Надо было видеть вытянувшиеся, удивленные лица ловцов и других участников этой экспедиции, когда утром выяснилось, что Захарус ночью, в одиночку, поймал и укротил дракона!

Вот так и попал Зюзюка в академию. Здесь у него была приличная жилплощадь — отдельный вольер в зверинце, даже с небольшой пещеркой. Необременительная работа — пугать студентов на первом испытании и изображать дракона во время практических занятий на полигоне, там даже

полетать немного можно было. Хотя летать Зюзюка не любил.

И вот сегодня послеобеденная дрёма Зюзюки была нарушена каким-то нахальным студентом, тот, правда, не подтянул, а отпустил цепь. Эту цепь Зюзюка и сам мог снять, но надо же делать вид, что ты совсем неопасен, потому как на цепи. Потом около вольера началось какое-то шебуршение, маленькая дверца открылась, и в вольер вошли два студента. Зюзюка понял, что собираются проводить первое испытание, хотя его удивило то, что его проводят так поздно, аж в листопадник, да еще в такое неурочное время — после третьей пары. Зюзюка поднял голову и привычно зарычал. А два студента, вместо того чтобы боязливо пробираться по стеночке к дальней дверке, пошли прямо на него. Студенты были какие-то мелкие, совсем не похожие на могучих кандидатов в охотники, Зюзюка присмотрелся внимательнее — это были человеческие самочки! Зюзюка снова зарычал и поперхнулся, в обеих чётко просматривалась кровь повелителей! Точно! Та, которая поменьше, и была повелителем! Вернее, повелительницей! Зюзюка привстал и издал клич, которым положено приветствовать повелителя. Не переставая приветственно реветь, Зюзюка, отбивая поклоны, пошел навстречу. Не дойдя пары метров до повелительницы, Зюзюка припал к земле и издал

особо громкий приветственный рёв.

— Фу, совсем оглушил! — сказала меньшая. — Тебя как зовут?

Широко разинув пасть, Зюзюка проревел свое имя, человек бы не понял, а повелительница поняла. Она почесала его за ухом, это выглядело очень забавно, ведь ухо у Зюзюки в диаметре больше метра. Почесала и спросила:

— Зюзюка, а ты меня покатаешь?

Повелительница попросила ее покатать! Она обратила на него свое благосклонное внимание! Зюзюка заревел от восторга и замахал своим громадным хвостом, как щенок при виде хозяев. Повелительница взобралась к нему на шею и сказала второй девушке:

— Милисента, открывай ворота, поедем кататься!

Та, которая неповелительница, а только обладающая кровью повелителей, отбросила засовы на воротах. Зюзюка носом открыл их и наклонил голову, чтоб этой неповелительнице было удобней залезть к нему на шею. Когда обе девушки удобно уселись, Зюзюка, оглашая радостным рёвом окрестности, имитируя галоп, пошел по двору академии.

В кабинете у ректора академии собрались все деканы факультетов и заведующие кафедрами. Это

было рядовое совещание, и оно уже подходило к концу. Все уже высказали свои жалобы и получили причитающиеся им нагоняи. На скромно сидящую в углу девушку, в скромном сером платье, время от времени с интересом поглядывали все присутствующие. Хотя какая это девушка, ее знали многие из присутствующих: она закончила академию десять лет назад, закончила боевой факультет. Когда все вопросы обязательной повестки были исчерпаны, девушка поднялась, и Ансельм Канвио произнес:

— Надеюсь, представлять леди Саманту Грег вам не надо. С сегодняшнего дня она зачислена старшим преподавателем на боевой факультет. Она будет вести младшие группы «боевиков» и «охотников», разгрузив магистров Клейнмора и Захаруса. Кроме того, она готовит свою работу к магистерской защите, так что...

Договорить ректор Канвио не смог, его прервал трубный рёв дракона. Все присутствующие бросились к широким окнам кабинета. По двору академии галопировал дракон Зюзюка. Вернее, он изображал галоп, так как двигался он довольно медленно, но при этом высоко подбрасывал свою заднюю часть и размахивал своим могучим хвостом. На шее, ближе к голове, сидели две девушки. Впереди — маленькая и рыжая, ее волосы торчали в разные стороны, широкая улыбка не

сходила с ее лица, казалось, что происходящее ей доставляет море удовольствия. За ней сидела девушка постарше, ее пшеничные волосы были заплетены в тугую косу, и было видно, что ей происходящее тоже нравится. Зююка старался во всю, он ревел, подпрыгивал, топал ногами, махал хвостом и крыльями. Из распахнутых ворот зверинца робко выглядывали студенты, особо смелые вдоль стенок пытались оттуда улизнуть.

— Это что? — спросил ректор академии, его вопрос был адресован магистру Клейнмору. Тот невозмутимо пожал плечами:

— Студентка Милисента и студентка Листик, сестры Дрэгис, ваши протеже, мэтр Канвио.

— Они же до сих пор не были замечены в подобных шалостях?! Вы же, магистр Клейнмор, сами о них отзывались как о примерных и прилежных студентках!

— Да, господин ректор, до сих пор ни в чем подобном они не участвовали. Но, должен вам заметить, милорд, что чем тише ведут себя студенты вначале, тем масштабнее проказу они устраивают потом.

— И что это они устроили? — нахмурился ректор Канвио.

— Я думаю, — магистр Клейнмор потер подбородок, — что они проходят первое испытание «охотников».

— Но Зюзюка... он же всегда спокоен, как скала! Как же так?! — воскликнул магистр Захарус.

— Вам повезло, магистр, — повернулся к нему Клейнмор, — ваш Зюзюка легко отделался, эти студентки решили на нем только покататься, а ведь могли и выпотрошить. Я бы на вашем месте выяснил, кому из ваших «охотников» пришла в голову идея над ними подшутить. Ведь последствия могли быть более...

Каковы могли бы быть последствия, никто не узнал, так как галопирующий Зюзюка приблизился к клумбам, и магистра Клейнмора перебил завопивший проректор по хозяйственной части:

— Клумбы! О-о-о! Клумбы, там высажены редкие сорта цветов! О-о-о, клумбы! Столько сил и средств! — Гном Грымдуалендирдыр схватился одной рукой за сердце, а второй за печень. Наверное, чтоб показать, как он принимает происходящее близко к сердцу и как всё остальное его достало, прямо-таки до самых печенок. Магистр Захарус побледнел, он представил, что деньги на восстановление порушенных клумб заберут из бюджета его факультета. Он тоже хотел было схватиться за сердце, но в последний момент решил, что бывалому охотнику за нечистью не пристало так переживать, и схватился за печень. Магистр Клейнмор пожал плечами, стенд первого испытания его факультета уже восстановили, и

больше ассигнований в этом году на учебные пособия для боевого факультета не предвиделось, так что у него забрать было нечего. Леди Саманта, заинтересовавшись происходящим во дворе академии, слегка перегнулась через подоконник. Когда Зюзюка приблизился к клумбам, она сделала знак рукой, призывающий к вниманию. Зюзюка, не переставая реветь, прекратил галоп и аккуратно прошел между клумбами, даже хвост поднял, чтоб ненароком не задеть чего-нибудь. И только отойдя на безопасное расстояние, Зюзюка снова продолжил свой галоп, уже по направлению к зверинцу. Выпрямившаяся леди Саманта щёлкнула пальцами. Магистр Клейнмор внимательно посмотрел на нее:

— Саманта, вы были уверены, что Зюзюка не будет топтать клумбы. Как вы догадались? Или что-то знаете?

Леди Саманта улыбнулась, а гном Грымдуалендирдыр важно кивнул головой:

— Студентки Милисента и Листик очень почтительные и ответственные, они не могли допустить, чтоб академическому имуществу был нанесен ущерб! Да еще в таких масштабах!

А то, что эти ответственные и почтительные студентки катаются по двору академии на драконе, мастером Грымдуалендирдыром воспринялось как должное и не вызывающее никакого удивления.

Магистр Клейнмор подозрительно посмотрел на проректора по хозяйственной части, тот, против обыкновения, не ругался и не метал молнии в адрес пусть и не нанесших ущерб, но покусившихся на академическое имущество. Видно, он тоже что-то такое знал про этих студенток. Спокойным оставался и ректор академии Ансельм Канвио, вот он-то про этих студенток знал больше всех.

Глава седьмая. Зачёты, заговоры и другие хлопоты

Громко рявкнув приветствие, строй студентов снова застыл. Сегодня первое занятие проводилось не в аудитории, а в фехтовальном зале. Кроме магистра Клейнмора и мастера Харалека, перед строем студентов стояла невысокая худенькая девушка в сером платье. Платье было девушке чуть великовато, но не висело, белоснежный кружевной воротничок и такие же манжеты дополняли картину. Девушка, слегка улыбаясь, рассматривала студентов, те тоже косили на нее глаза. Только косили, потому что в строю положено «есть» глазами начальство, а начальством был магистр Клейнмор, по своему обыкновению мягко расхаживающий перед студентами. Вот они его и «ели». Только маленькая рыжая студентка, стоящая в конце строя, не скрываясь, рассматривала

девушку. Взгляд девушки остановился на этой студентке, ее наряд — зеленый сарафанчик, скорее подошел бы девочке подростку, а не студенту боевого факультета академии Магических Искусств. Девушка улыбнулась и подмигнула девочке, та широко заулыбалась. Магистр Клейнмор строго на нее посмотрел, но девочка не перестала улыбаться, мастер Харалек тихонечко вздохнул, очень тихонечко. Но магистр его услышал, с тех пор, как на факультете появились эта студентка и ее сестра, всегда невозмутимый мастер Харалек начал проявлять эмоции. Эмоции в виде тихих вздохов, правда, их слышал только магистр Клейнмор.

— Представляю вам нового преподавателя, — сурово сдвинув брови, сообщил студентам магистр Клейнмор. — Мастер Саманта Грег будет вести у вас тактику смешанного боя, теоретические и практические занятия.

По строю студентов прокатился восхищённый вздох, о воительнице Саманте Грег слышали все, но вот так, совсем близко, ее никто из них еще не видел. Мастер Саманта кивнула, приветствуя студентов:

— Здравствуйте, господа студенты!

Строй снова рывкнул приветствие, Саманта улыбнулась, а магистр сказал, обращаясь ко всем:

— Надеюсь, мне не придется краснеть перед

мастером Самантой за вас, господа!

— Никак нет! — привычно ответил строй.

— Ага, — сказала маленькая студентка, продолжая улыбаться, но, увидев нахмурившегося магистра, сразу же поправилась: — Так точно! Ой! Никак нет!

Мастер Саманта, выгнув бровь, посмотрела на маленькую студентку, та, засмушавшись, опустила взгляд, но улыбаться не перестала. Магистр Клейнмор хмыкнул, и они вместе с мастером Харалеком покинули зал. Мастер Саманта еще раз оглядела строй и произнесла:

— Мое имя вы уже знаете, теперь я хочу познакомиться с каждым из вас. Выходите и называйте свое имя и берите оружие. Можете выбирать любое.

Первым из строя шагнул высокий парень, он взял из стойки деревянный меч и назвался:

— Джеф Харвлин!

— Что ж, студент Харвлин, атакуйте!

— Но, мастер, у вас же нет оружия!

— Попробуйте нанести хотя бы укол, — усмехнулась мастер Саманта. Студент несмело ткнул мастера прямым выпадом и оказался на полу, а его бокен непонятным образом переместился в руки леди Саманты.

— Плохо, — сказала Саманта. — Плохо. Но ожидаемо, еще раз!

Студент повторил свою атаку, но уже резче. И так три раза, и каждый раз результат был одинаков. Харвлин подымался с пола, и мастер Саманта возвращала ему меч. Следующий студент повторил судьбу Харвлина, хоть его атаки были резче и замысловатей. Очередной студент выбрал не бокен, а метательные ножи, вернее их имитацию, мастер их все поймала, а потом отправила обратно в сторону студента. Все учебные ножи попали в цель, сконфуженный студент, потирая ушибленные места, занял свое место в строю. Очередь дошла до Милисенты, она выбрала бокен. Обозначив атаку, Милисента ударила не мечом, а «воздушным кулаком», и, не давая мастеру опомниться, нанесла удар своим мечом, но промахнулась. Саманта увернулась от «воздушного кулака», но времени провести контрприем у нее не осталось, поэтому от выпада меча Милисенты она тоже увернулась и, поменяв направление движения, мастер оказалась за спиной студентки. Но Милисента, видимо, что-то почувствовав, кувырком ушла вперед. Развернувшись в кувырке, студентка встала в стойку, вытянутый вперед меч описывал восьмерки, а в отведенной в сторону левой руке загорелось пламя. Но мастера перед ней уже не было.

— Хорошо! А вот это уже очень хорошо! — Голос Саманты раздался из-за спины Милисенты. — Очень хорошо, студентка

Милисента! Встаньте в строй!

Милисента встала на свое место, а мастер Саманта, оглядев еще раз всех студентов, спросила:

— Как вы думаете, почему студентка Милисента удостоилась похвалы? Хотя двое из вас продержались дольше, но их я не похвалила.

— Потому, что Милисента атаковала вас сразу с двух направлений, магией и мечом, — ответил звонкий, но при этом чуть хрипловатый голос.

— Правильно, студентка Листик!

Листик разулыбалась, довольная, что ее похвалили, а мастер продолжила:

— Вы все атаковали оружием, забыв, что вы в первую очередь маги, боевые маги! Вот вам первый урок по моему предмету, который я буду у вас вести.

Третьей парой у группы «боевиков» второго курса была алхимия. Вёл ее завкафедрой алхимии магистр Сигуранц, высокий, худой мужчина, уже в летах. Его синяя мантия была всегда чистая и идеально выглаженная. Как это ему удавалось в атмосфере алхимической лаборатории, не знал никто. У его ассистентов мантии были всегда чем-то заляпаны, прожжены в нескольких местах, и магистр на их фоне выглядел франтом. Этаким эталоном образцового мага на фоне неряшливых экспериментаторов. Вот и сейчас величественный

магистр кивнул своему замызганному ассистенту, и тот выставил на лабораторный стол три хрустальных стакана с прозрачной жидкостью. Магистр кивнул и провозгласил:

— Сегодня у нас завершающее занятие по курсу «Минеральные яды», это занятие будет практическим и в некотором роде зачётным. Тому из вас, кто сумеет выполнить мое задание или внятно объяснить, что следует делать, я засчитаю этот курс и поставлю зачёт автоматом. Как вы знаете, зачёт дифференцированный, следовательно, бал, который я выставлю, будет наивысшим. Итак, господа студенты, приступим. Перед вами три стакана с абсолютно прозрачной и не имеющей запаха жидкостью. В одном из стаканов чистая ключевая вода. В другом тоже чистая ключевая вода, но с сильнодействующим минеральным ядом. В третьем стакане тоже вода, тоже ключевая, но яд там растительного происхождения, тоже сильно действующий. Это чтоб немного усложнить вам задачу. От вас требуется определить, в каком из стаканов минеральный яд. Использовать разрешается только подручные средства.

Магистр зорко оглядел ошалевших от такой «засады» студентов. Ведь их не предупредили о готовившемся испытании, и никто из них не позаботился о «подручных средствах», хотя бы шпаргалках. Магистр усмехнулся, правильно поняв

растерянность студентов. Он величественно кивнул и продолжил:

— Вы же будущие боевые маги! Поэтому должны быстро реагировать на стремительно меняющуюся обстановку, вроде так вас учит магистр Клейнмор? Представьте себе, что вы находитесь на приеме у знатной особы, и вы узнали, что кто-то хочет отравить одного из высокопоставленных гостей этой особы. Времени у вас нет, чтобы развернуть полевую лабораторию, да и будет ли это уместно на подобном приеме? Так кто из вас попробует выполнить эту задачу или хотя бы объяснить, как ее следует выполнять? Вот вы, студент Мишлин.

Поднявшийся студент взял по очереди все три стакана, солидно посмотрел сквозь них на свет и так же солидно ответил:

— Задача очень непростая, но яд легко определить, используя рог единорога. Напиток, содержащий яд, налитый в рог единорога, меняет свой цвет.

— Очень хорошо, студент Мишлин, очень хорошо, — усмехнулся магистр Сигуранц. — Но считать подручным средством такую дорогую вещь как рог единорога? И как вы это представляете, учитывая мою вводную? Вы будете бегать с рогом единорога между лакеями, разносящими напитки, хватать с их подносов кубки и бокалы, переливать

их содержимое в рог единорога, а потом обратно? Вас не поймут. И потом, такие вещи надо, по возможности, проделывать максимально скрытно. А вы с рогом единорога наперевес...

Среди остальных студентов послышались смешки. Пристыженный Мишлин сел. Следующий студент предложил применить заклинание «истинности», под действием этого заклинания любой предмет или вещество являли свою суть. Поощренный кивком магистра, студент сплёл заклинание и наполнил его силой. Во всех трёх стаканах вода проявила свою суть, показав то, что она действительно является водой. Раздосадованный неудачей студент сел на свое место.

Магистр внимательно оглядел растерянные лица притихших студентов. Его взгляд остановился на двух студентках, сидевших на первой парте. Старшая, как давно отметил магистр, — очень прилежная, наморщив лоб, что-то быстро писала на листке бумаги. Магистр одобрительно кивнул, девушка не сдавалась, и из, казалось бы, неразрешимой ситуации искала выход. А вот младшая... Ее задорная улыбка выглядела ярким солнечным пятном на сером, почти дождливом фоне остальных приунывших студентов. Магистр тоже улыбнулся, глядя на этого никогда не унывающего ребенка, но тут же, согнав улыбку с

лица, строго спросил:

— А вы, студентка... эээ... Листик? Вы так весело улыбаетесь, наверное, нашли решение этой сложной задачи?

— Ага! — вскочила та.

— И как же, позвольте спросить, вы найдете решение этой задачи?

— Позволяю, — важно кивнула рыжей головой студентка, — спрашивайте!

Студенты снова захихикали, а улыбнувшийся магистр, его забавляла непосредственность этой девочки, развел руками:

— Тогда, не соблаговолит ли уважаемая Листик просветить нас темных, как нам определить — в каком из стаканов находится смертельный яд?

Студентка встала, и со всей солидностью, на которую была способна, кивнула. Медленно подошла к столу со стаканами, по очереди взяла их, посмотрела сквозь них на свет, как это делал студент Мишлин, потом каждый понюхала. Наморщила лоб и сдвинула бровки, всем своим видом изображая бурную работу мысли. Не улыбаться, глядя на нее, было невозможно. Усмехнувшись, магистр Сигуранц, спросил:

— Ну, и каков вердикт уважаемого эксперта?

— Ага, щасс, — кивнула головой девочка и быстро отпила по несколько глотков жидкости из всех трёх стаканов. Раздался звон бьющегося

стекла, это ассистент магистра уронил на пол до этого протираемую им какую-то посудину. Аудитория ахнула в один голос. Сигуранц побледнел, а девочка, зажмурившись, прислушивалась к своим ощущениям. С первой парты встала вторая студентка и обратилась к бледному как полотно магистру:

— Разрешите, господин магистр? — Магистр машинально кивнул, он не отрывал взгляд от младшей девочки, а старшая, которую совсем не смутили действия младшей, продолжила: — Надо применить заклинание «истинности», но не к воде, а к ее свойствам, после чего посмотреть сквозь стаканы на свет, но под определенным углом. Жидкость, в которой растворены яды, будет иметь другой угол преломления лучей света, чем чистая вода. Поэтому интенсивность цветового распределения преломившихся солнечных лучей на гранях стаканов будет разная. Вот тут описание цветовой гаммы спектра чистой воды!

Студентка протянула магистру листок бумаги.

— Ага, — сказала открывшая глаза младшая студентка, она облизнулась и подняла первый стакан, — вот тут — соединения цианида, это минеральный яд. Смерть вызывает моментально, противоядий нет. А вот это... — Девочка поставила первый стакан и взяла второй:

— Вот в этом яд цикутника остролистого,

очень ядовитое растение. Смерть наступает в течение тридцати секунд после приема внутрь... — Девочка снова облизнулась. — Ну а вот в том стакане чистая вода, это легко проверить, если сравнить спектр преломленных на гранях стакана лучей солнца с тем, что описала Милисента. Или же немножко отпить, тогда тот, кто отпил, через некоторое время просто увидит, что он не отравился...

Девочка оглядела аудиторию и, широко улыбнувшись, предложила:

— Никто не хочет попробовать? Тут яда нет, правда, правда!

Желающих не нашлось, те же из студентов, на ком останавливался взгляд девочки, начинали энергично мотать головой.

— Э-э-э... — сказал магистр, он не сводил глаз с младшей студентки, она уже должна была, по ее же словам, лежать мёртвой. А она стояла и улыбалась. Но, видно, ей самой надоела затянувшаяся пауза, и она требовательно посмотрела на магистра:

— Так задание выполнено, да?

Магистр кивнул головой, потом перевел взгляд на старшую сестру:

— Студентка Милисента, вы пояснили, как можно выполнить это задание, привели и описания спектра преломленных лучей, по которому можно

определить воду, не содержащую ядов...

— А я?! — возмущенно пискнула Листик, — я же тоже правильно определила где и что!

— Ваш метод, студентка Листик.... эээ... несколько нетрадиционен, поэтому за честь его как решение поставленной задачи... — начал магистр Сигуранц, но девочка возмущенно его перебила:

— Вы же сами сказали — подручными средствами! А у меня их под рукой не оказалось, только я сама! Я же не могла заставить кого-то попробовать... — Улыбка сошла с лица девочки, уголки ее губ опустились и задрожали. Пораженный магистр с трудом удержался, чтоб не погладить ее по голове:

— Конечно-конечно, студентка Листик, вам тоже будет зачтено это решение. Вам и вашей сестре. Вы справились с поставленной задачей, правда, несколько, гм, оригинальным способом. Но ваш анализ был абсолютно точен. Кстати, как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — всхлипнула девочка и с надеждой подняла глаза на магистра, — вы же мне тоже поставите зачёт, я же ответила?

— Да, да, и вам, и вашей сестре! Вы обе справились. Молодцы! Отлично! Садитесь!

Обе сестры сели за парту. Серьезная Милисента и повеселевшая, снова заулыбавшаяся Листик.